

Фантастические миры

Константин Калбазов

Кукловод

Книга вторая

Партизан

Кукловод

Константин Калбазов

Кукловод. Партизан

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калбазов К. Г.

Кукловод. Партизан / К. Г. Калбазов — «Автор»,
2016 — (Кукловод)

ISBN 978-5-699-86865-0

Реалити-шоу из параллельного мира продолжается... Сергей Шейранов, кукловод, способный при определенных условиях переносить свой разум в тело другого человека, пережив множество приключений в качестве русского офицера на Кавказской войне середины XIX века, вынужден примерить новую роль. Отныне он разведчик-диверсант Первой Мировой Иван Шестаков. Шейранов-Шестаков получает необычное задание – сколотить своего рода партизанский отряд, состоящий из безжалостных убийц, готовых на все. Даже на то, чтобы... изменить историю России...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86865-0

© Калбазов К. Г., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Глава 1. Новый проект	6
Глава 2. Петроград	18
Глава 3. Странный прапорщик	32
Глава 4. Передовая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Константин Калбазов

Кукловод. Книга вторая. Партизан

© Калбазов К., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1. Новый проект

– Виктор, что за конспирация? У нас какие-то проблемы?

Перегудов смотрел на мужчину лет сорока, одетого в сравнительно недорогой спортивный костюм. Впрочем, дешевизна костюма была довольно относительной на фоне более известных брендов. Тот, кто заботится не столько об имидже, сколько о здоровье, нашел бы это одеяние комфортным. Человек же, на которого сейчас смотрел продюсер, никому и ничего доказывать не собирался. Как видно, Виктора полностью устраивала его жизнь и место, занимаемое в обществе.

– Фу-ух, – выдохнул он, останавливая свой бег и приступая к разминочным упражнениям. – Привет, Антон. Фу-ух. Хорошо пробежался.

– Виктор?

– Да успокойся ты. Все в полном порядке.

– Так какого тогда...

– Такого, что дело не терпит отлагательств. И между прочим, оно напрямую затрагивает твои интересы.

– Ну Виктор... Напугал, ты меня. А чего здесь-то встречаемся? Берег озера, аллея с редкими деревьями, хорошо просматриваемое место. Ну прямо шпионские игры.

– Дилетант. Да если нас начнут пасти, то ты хоть в чистом поле стой, способы найдутся. Причем масса, и под самые разнообразные методы защиты. Не забывай, я из серьезной конторы, а не из какой-то заштатной службы безопасности. Впрочем, ты и сам имеешь очень серьезный подход к различным средствам съема аудио- и видеoinформации. Ведь именно на этом базируется твое реалити-шоу.

– Угу. Будем считать, что нотацию ты мне прочитал. Может быть, теперь перейдем к делу! – чуть раздраженно фыркнул Антон.

– Можно и к делу. Видел твое шоу. Надо признать, мои домашние каждый день с нетерпением ожидают выхода новых серий. Причем все вместе: и жена, и девочки, и сыновья. Прими мое искреннее восхищение, отличная работа. Даже я, грешный, когда никуда не спешу, с удовольствием посматриваю. А уж мое-то отношение ко всякого рода шоу ты знаешь.

– Ну все. После твоего признания предел в моем мастерстве наступил. Теперь можно смело ложиться в гроб.

– А вот я бы не торопился. Поскольку чувствую, что до предела еще далеко. Давай пройдемся, – прекратив махать руками и ногами, предложил Виктор.

– Давай, – легко согласился Антон, но счел нужным добавить: – Только ты покороче. Если никакой беды нет, то у меня еще предостаточно дел.

– Эх, Антон, Антон, все-то у тебя бегом и впопыхах. Просто удивительно, как ты умудряешься создавать настоящие шедевры, если все время куда-то спешишь и живешь в постоянном цейтноте.

– По-другому не умею. Виктор, давай уже к делу, или я побежал.

– Ладно. К делу, так к делу. – Виктор достал из нагрудного кармана планшет и после непродолжительных манипуляций произнес: – Я тебе ссылку скинул. Глянь коротко.

– Витя...

– Ну, раз уж приехал, то удели еще пару минут.

– Хорошо.

Антон достал свой планшет и пробежал взглядом по присланной ссылке. Нельзя сказать, что интервью с доктором исторических наук Воркутинским было ему неинтересно. В конце концов проблемы, затрагиваемые ученым и продюсером, перекликались. Разумеется, отдаленно, и даже весьма, но все же. Реалити-шоу Перегудова всегда несли в себе историче-

ский подтекст. В частности, замысел прошлого шоу возник под впечатлением яркой статьи о Михаиле Юрьевиче Лермонтове и того интереса, который она вызвала в обществе.

Вот и в этой статье привлекал внимание довольно своеобразный взгляд на развитие исторических событий, о взаимосвязи исторических процессов между слоями, а главное – о развитии истории по спирали и о возможности прогнозирования событий с большой долей вероятности. Все в теории, разумеется. Но если Воркутинский окажется прав, то ученые-историки вполне могут заменить провидцев, ибо обретут возможность не предсказывать грядущее, а прогнозировать его. Мало того, на основании их прогнозов можно будет вносить изменения в процесс формирования реальности и избегать негативных последствий.

– Очень занимательно. Какой-то ученый марзматики решил стать провидцем не благодаря наделянию его божьим даром, а только лишь упорным трудом и силой собственного ума, – закончив знакомиться со статьей, произнес Перегудов.

– Ты чего так скептически настроен? Ты же натура творческая, и...

– Я творческая натура, – перебил Антон Виктора, – но не забывай, в какой плоскости я развиваю свое творчество. Я снимаю реалити-шоу. То есть правду жизни. А это... По-моему, то, о чем рассуждает этот старичок, называется аналитикой, и на сегодняшний день она давно и с успехом применяется.

– Вот-вот. И не один ты так рассуждаешь. Можешь там ниже почитать отзывы. Причем никаких-то там блогеров, а реальных ученых – аналитиков и историков. Мэтров, зубров, волков от науки и прочая, прочая, прочая. Да погоди ты! – оборвал Виктор решившего было вновь открыть рот Перегудова, подкрепив свои слова соответствующим жестом. – Пусть ученые бодаются, как им угодно. Ты ведь практик и реалист. Так вот, реальность такова, что в правительстве заинтересовались теорией Воркутинского. Что он там наплел в высших эшелонах, непонятно, но принято решение оказать ему содействие и выделить какое-никакое финансирование. Мало того, для проведения научных исследований в его распоряжение предоставляют кукловода.

– Кого-о? – Антон даже сделал стойку, едва услышал эти слова.

– Ты, наверное, прочел все по диагонали, и упоминание о необходимости введения в дело кукловода выпало из твоего поля зрения.

– Витя, не отвлекайся.

– Угу. Так вот, как ты понимаешь, приоритетным это исследование не сделали. Но тем не менее поддержку правительства старичок получил. Так, на всякий случай. И кукловода поручено подобрать для него поплоче. Да, ты, конечно, не в курсе, но с недавних пор для кукловодов введено ограничение по состоянию здоровья. Они ведь испытывают порой невероятные нагрузки, а нервная система – штука пока малоизученная, да и мозги – тоже. И физическое здоровье имеет немаловажное значение, ведь тело кукловода на определенный срок погружается в искусственную кому. Словом, если раньше мы гребли всех подряд, то после нескольких эксцессов кукловоды стали проходить обследование на предмет профпригодности. Заставить работать можно абсолютно любого, ты это знаешь. Но есть все же и исключения, по состоянию здоровья.

– Витя, много текста.

– Ох уж мне твоя вечная торопливость! Словом, есть вариант легализовать твоего кукловода. Пристроишь его к проекту Воркутинского, пусть поработает маленько на науку. Если договоришься с этим историком, то сможешь попутно снять еще одно реалити-шоу. У тебя огромный опыт по съему различной информации в параллельных слоях, и все отработано до мелочей. Мало того, в твоем распоряжении слаженная команда и высококвалифицированный персонал. Да при скудости его бюджета он вцепится в тебя мертвой хваткой.

– То есть ты можешь уговорить отбраковку Шейранова?

– Мало того, я организую его первичную обработку и передачу в ведение Воркутинского. Липа, разумеется. Но никто твоего кукловода и пальцем не тронет. Гарантированно.

– Сколько?

– Втрое от нашего первого соглашения.

– Ну ты даешь!

– самого первого, Антон, а не последующего. И заметь, мне и моему прошлому напарнику достанется только шестая часть этой суммы. Ну, есть вариант подзаработать, отчего же отказываться. Остальное команде по обработке и доктору.

– Брось. После твоего грандиозного успеха ты можешь себе это позволить. А после нового шоу опять окажешься в значительном барыше.

– Не считай мои деньги, – задумчиво и как-то вяло огрызнулся Виктор.

– Не буду. Но ведь после этого проекта кукловод может оказаться полностью в твоём распоряжении. Или вы вместе с Воркутинским возьметесь за другой, выгодный вам обоим. В любом случае для нашего ведомства Шейранов будет отрезанный ломоть. Если ты не сможешь договориться с конторой, максимум, что ему грозит, – это мозговая блокада и возвращение домой. Ну не сможет он больше быть кукловодом, невелика беда.

– Вы научились блокировать способности кукловода?

– Это же дар. Как его можно блокировать? Но ученые нашли возможность кодировать кукловодов. Без этого кода мозг просто не будет реагировать на аппаратуру. Кстати, и на диагностическую в том числе.

– погоди. Получается, что мы можем просто закодировать Шейранова, и тогда нет никакой необходимости в его легализации. Не нужно городить весь этот огород.

– Верно. И обойдется это тебе ровно в два раза дешевле, – подтвердил Виктор. – Однако, как всегда, есть эти самые «но». Пройдя дорогую процедуру, и он, и ты полностью легализуетесь. Пойдете по пути наименьшего сопротивления, и лучше бы тебе забыть о совместной работе с ним. Потому что на твое шоу и так уже начинают поглядывать искоса. А вдумчивой проверки вам попросту не выдержать...

Угу. Виктору легко рассуждать. Разложил все по полочкам и кругом прав. Раз, два – и в дамках. Получите полный иммунитет от различного рода неприятностей. Вот только не так все просто, как кажется. Скорее уж совсем непросто.

Эта история началась примерно полтора года назад, когда Виктор подкинул Антону информацию о кукловоде. Уникальном индивиде, имеющем способность, при определенных условиях, взять под контроль практически любого человека. Противостоять кукловоду могли только прирожденные лидеры.

Антон снимал реалити-шоу. Вернее, он даже стал зачинателем этого направления, после того как был открыт доступ в параллельные миры, или, как их теперь называли, слои. Путешествия по слоям были доступны далеко не всем. Удовольствие, разумеется, не из дешевых, но ведь посмотреть, как там оно, интересно всем. Что же, если человек не может отправиться в параллельный мир, то пускай этот мир придет к нему. Вот эту-то нишу и заполнили реалити-шоу.

Однако реальность – она и есть реальность. Ею практически невозможно управлять. Любая попытка подчинить сюжет замыслу продюсера приводила к фальши, что для реалити-шоу было просто неприемлемо. Но как же хотелось управлять событиями, ведя их в нужном русле естественным путем. И выход нашелся, когда Перегудов решил использовать кукловода.

Затея оказалась откровенно дорогой. Виктор буквально озолотился за счет продюсера. Но и выгода превзошла все самые смелые ожидания. Антон, конечно же, верил в успех, но даже не предполагал, что он будет столь оглушительным. Ну и прибыльным, куда же без этого...

Сумму, которую он в тот раз отдал Виктору за информацию о кукловоде, Перегудову пришлось отрывать от себя, как говорится, с мясом. Требуемую же сейчас, куда большую, он мог отдать почти безболезненно. Так что в финансовом плане он был на коне без каких-либо оговорок.

Вот только не все решали деньги. В его деле мало заполнить кукловода. Не менее важно, чтобы тот согласился работать с ним. Сам, а не под давлением обстоятельств. Получая от процесса удовольствие, а не отбывая повинность. Только в таком случае можно достигнуть полного взаимопонимания и отличного результата. Шейранов тогда изъявил желание работать, и на выходе перед зрителями предстал настоящий шедевр.

Но захочет ли кукловод работать теперь? Ведь ему придется пойти на риск и предстать пред ясны очи конторы. Причем без гарантий, что все пройдет именно так, как сейчас обещает Виктор. И потом, кто его знает, может быть, Сергею Федоровичу просто не захочется больше участвовать ни в каком шоу. Да, он получил серьезный гонорар, но ведь он и так не бедствовал. Мало того, подобно другим кукловодам, он не стремился к богатству, довольствуясь средним достатком. Такова одна из отличительных черт этих людей.

– Ох, Виктор, умеешь же ты озадачить! Еще каких-то полчаса назад я считал себя вполне счастливым или хотя бы довольным своей судьбой человеком. А теперь не знаю. Сколько у меня времени?

– Его у тебя, считай, нет. Не в смысле, что я побегу стучать про твоего кукловода. Боже упаси. Просто заявка от Воркутинского уже поступила, и мы работаем в этом направлении. А кукловод – это такое дело, то целый год никого, а то за день пяток. Если попадет подходящий кандидат...

– Вы либо доложите по команде, и тогда плакала моя возможность легализовать Шейранова. Либо это станет дороже эдак раза в два. Либо мне останется только упрощенный вариант с кодированием, что не гарантирует безопасности, – правильно поняв паузу Виктора, закончил Антон.

– Извини. Но такова жизнь. Выбор за тобой.

– Извиняю. И спасибо.

– Спасибо, ты в теме, или спасибо, не надо?

– В теме, разумеется. Но для начала мне нужно все обговорить с Шейрановым.

– Ты его не подмял под себя? – искренне удивился Виктор.

– Ты же видел шоу. Можно получить такой результат из-под палки? У нас был честный договор. И сейчас тоже будет все по-честному. Если скажет: «Нет», то так тому и быть. Да не смотри ты на меня, как на идиота. Я не собираюсь выкидывать целую кучу денег, а потом кусать губы.

– Как скажешь. Я жду твоего звонка.

...Едва расставшись с Виктором, Антон поспешил свернуть все запланированные встречи и отправился на частном самолете на Кавказ, на свою дачу. Именно там располагалось оборудование портала. По мере надобности оно могло перекочевать в любую другую точку, где затем собиралось и само оборудование, и модульный ангар для его использования. Но пока он находился в подвале загородного дома.

Через два часа Антон был уже на месте и переправился в слой Шейранова, где у того также был прикуплен домик с довольно просторным подвалом. Это содержание здесь парочки парней из собственной службы безопасности стоило не так уж и дорого. Ничего не поделаешь, коль скоро кукловод завязан на этот слой.

Нда. Что такое не везет и как с ним бороться? Уже через пять минут нахождения в этом слое Перегудов понял, что его неприятности и, как следствие, – гонка только начинаются. Один

короткий звонок, и он получил исчерпывающую информацию о местонахождении Шейранова. И как полагается в этом случае, результат его не порадовал.

Сергей Федорович оказался за океаном. Грел животик на Карибских островах или путешествовал по местам славы берегового братства. Главное, что придется лететь к нему через половину планеты. И как тут ни крути, а при самых оптимистичных прогнозах уйдет на это около суток. А вот времени-то у Антона как раз и не было.

И самое обидное, что организованных туров в этот слой не имелось. Только вот дикари вроде него. Да и тех наверняка не так уж и много. А может, и вовсе никого. Ну ничего интересного в этом слое не было. Другое дело – девятнадцатый век, с его возможностью поохотиться на бизонов, львов, слонов, носорогов и других экзотических животных. В то время и оружие уже вполне приемлемое, и вопросов особых ни у кого не возникнет.

Впрочем, любители острых ощущений отправлялись и в более ранние века, где экстрима и зверья побольше. Правда, в этом случае чаще всего выбиралась Америка или глухие районы Африки. Все же несанкционированное вмешательство в дела параллельных слоев не приветствовалось, а в крайних случаях еще и преследовалось. Кстати, имелись даже силы правопорядка, отслеживавшие желающих пошалить в других слоях.

Но если ты собрал все свои сбережения и перебрался в какой-нибудь слой с отсталым обществом, решил устроиться там с комфортом, ради бога. А вот если ты вздумал сыграть в этого самого бога и стать, к примеру, диктатором... Ну или отправился, чтобы создать там ядерную бомбу пораньше, чем на Земле, лет эдак на десять... Словом, всему есть пределы, за соблюдением которых как раз и следила специальная международная служба.

Вот и получалось, что добираться до Доминиканы, а именно там сейчас находился Шейранов, придется местным транспортом. А на здешних авиалиниях со сверхзвуковыми лайнерами наблюдались некоторые проблемы. Таковые попросту не использовались.

Но нет худа без добра. Шейранов довольно быстро сообразил, какими выгодами для него может обернуться предлагаемая афера. Во-первых, ему понравилось путешествовать по слоям и проживать насыщенную, полную опасности и приключений жизнь. Во-вторых, дело, предлагаемое Антоном, гарантировало кукловоду безопасность в будущем.

Конечно, некоторый риск присутствовал, но, с другой стороны, Антон не стал бы предлагать того, с чем не смог бы справиться. Причем вовсе не потому, что у него имеются какие-то обязательства перед Сергеем Федоровичем. Просто ему это невыгодно. С Шейрановым он мог осуществить свои задумки, без него это было довольно проблематично.

Поэтому первое, что сделал Сергей Федорович через сутки после отбытия Перегудова, – это наконец согласился на уговоры жены и купил новый смартфон. Последнюю из существующих моделей, за неприлично большую сумму. Нда... Знала бы она, что это означает очередную его командировку в глухие северные края. И что самое примечательное, судя по намечающемуся историческому проекту, на этот раз несколькими месяцами дело не обойдется.

* * *

Нельзя сказать, что Шейранову так уж сильно досталось за последние дни. Напротив, относились к нему хорошо, и даже очень. Единственное неудобство – это ограничение свободы. Нет, в четырех стенах его не держали. Он регулярно гулял в парке и вообще в свободное время занимался тем, чем хотел, разумеется, из доступного. В его распоряжении находились и библиотека, и телевидение, кстати, интересно было посмотреть, что там по этому зомби-ящику показывают в будущем. Как выяснилось, все то же самое, разве только на более высоком уровне.

Ну и реалии-шоу, куда же без них? Кстати, они и впрямь во многом заменили собой кино. Во всяком случае, судя по рейтингам, большинство зрителей предпочитали именно ре-

лити-шоу. Нечто похожее произошло когда-то с появлением телевидения, которое оттеснило кинотеатры. Возможно, популярность шоу объяснялась тем, что там не было игры. Хотя как сказать. Весь мир – театр, а люди в нем актеры. В этом что-то есть. Хотя бы потому, что в жизни порой разыгрываются такие драмы и комедии, что писатели и сценаристы нервно курят в сторонке.

Еще одним неудобством в положении Шейранова была необходимость участия в различных исследованиях: медицинские осмотры, анализы, тестирования. Ну и персональная работа психолога, обрабатывавшего его вроде бы и ненавязчиво, но в то же время целеустремленно. Имели место и пробные вселения в тела. Словом, скучать не приходилось, и личного времени оставалось не так уж и много.

Но как бы то ни было, через месяц разносторонних изучений Сергей Федорович был выпущен на «волю» с белым билетом. Компаньоны Перегудова не подвели и полностью выполнили свои обязательства. Шейранов был признан годным с весьма серьезными ограничениями, не позволяющими использовать его в интересах спецслужб. Но в то же время он вполне подходил для научно-исследовательской работы. Сколько это стоило Перегудову, Сергей Федорович знать не желал. Понимал только одно: если продюсер пошел на это, значит, оно того стоило.

И вот по прошествии месяца он вошел в кабинет, где за большим письменным столом сидел эдакий старичок, а-ля Эйнштейн, с горячечным блеском в глазах. Здравствуй, попа новый год! Мало ему было одного одержимого своей работой, так получи второго. Интересно, куда его заведет эта кривая? Хм... И где Антон? Впрочем, тут все нормально. Формально они незнакомы, поэтому продюсер наверняка появится позже.

– Здравствуйте, молодой человек, – бодро поздоровался старичок.

Вообще-то насчет молодого человека – это как-то сомнительно. Шейранову, на секундочку, пятьдесят семь. Не мальчик. Хотя с высоты прожитых этим ученым лет таки да, он – молодой человек. Ладно. Чего придирааться-то? Ну, назвали молодым и назвали. Тут еще, глядишь, в скором будущем он и впрямь станет молодым, когда его поделят к какому-то бедолаге. Почему бедолаге? Так ведь с этих одержимых своей работой станет засунуть объект в какую-нибудь задницу.

Воркутинский резво поднялся из своего кресла и, обойдя стол, быстро подошел к Шейранову. Ухватил его за руку, выказав крепкую хватку все еще сильной руки, и возбужденно потряс. Как видно, он уже давно пробивал для своих исследований кукловода, коль скоро смотрит на Сергея, как на новенький золотой, оказавшийся под ногами.

– Здравствуйте Илья Семенович! – не менее бодро воскликнул «молодой человек».

– Присаживайтесь, – указав Шейранову на стул у приставного столика, произнес ученый.

При этом словно не заметив двоих сопровождавших Сергея волкодавов из конторы. Либо уже привык к подобным парням, и они стали для него чем-то вроде неодушевленного атрибута. Либо имеет зуб на конторских. Эдакий ненавистник кровавой гэбни. Собственно, Шейранову без разницы.

Воркутинский вновь обошел непропорционально большой рабочий стол и угнездился в своем кресле. Вообще-то на фоне громады стола он смотрелся как-то несерьезно. Однако героические пропорции столешницы были вполне оправданными. Доктор принадлежал к ученым старой формации, и это еще мягко сказано. Нет, компьютер очень даже присутствовал. Но как видно, хозяин кабинета больше доверял бумаге. Стол буквально ломился от обилия стопок листов, разнообразных папок и книг со множеством закладок. Наличествовали даже перекидной календарь и пухлый ежедневник. И это при практически всеобъемлющей компьютеризации данного слоя. Рядом с ежедневником очень даже современный смартфон, или все же планшет, тут уж и сам черт не разберет.

– Итак, молодой человек, вас забраковали, но вы все же изъявили желание поработать.

– Скажем так, общий отбор я, к счастью, не прошел.

– Отчего к счастью?

– Нет никакого желания работать на спецслужбы. – Сергей невольно покосился на парней, замерших у входной двери. – А вот сотрудничество с историком может стать очень интересным. И коль уж представляется такая возможность, то отчего же отказываться. Тем более что безопасность гарантируется. Опять же почувствовать себя молодым и полным сил.

– Да-да. Вы не представляете, как я вам завидую.

– Ну отчего же, я тоже не мальчик.

– Бросьте. Мне семьдесят восемь, а вам только пятьдесят семь. Еще лет десять, и, возможно, вы меня начнете понимать. Итак, давайте перейдем к делу. Вам известна цель нашего проекта?

– Признаться, я только в общих чертах знаю, чем вы занимаетесь.

– И?

– Хм... Мне слабо верится во все эти предсказания. Хотя и отрицать тот факт, что время от времени появляются люди с даром прорицания, я не могу.

– Вот. В этом и кроется общая ошибка. Я не претендую на роль прорицателя. Обладающий подобным даром способен предсказывать все, от рождения двуглавого теленка до извержения вулкана и падения империй. Мне это недоступно. Но зато я могу предсказывать исторические процессы, иными словами, вектор развития предстоящих событий. Причем с очень большой долей вероятности. Это не предсказания, а аналитическая методика на качественно новом уровне. Методика опробована в двадцати пяти слоях, и во всех случаях мои выкладки полностью подтвердились. Ни единой осечки! – с гордым видом произнес старик.

– Но если положительный результат уже достигнут, тогда в чем заключается ваша новая работа, для которой вам понадобился я? Просто хотелось бы уяснить.

– Я научился предсказывать события. Это так. Но теперь передо мной стоит задача выяснить, возможно ли изменить их ход и направить в иное русло. Или исторические процессы уже предопределены, и ничего с этим не поделать. Однако для этого мне нужен тот, кто захочет изменить ход истории. Человек извне. Эдакий камешек в жерновах, который заставит свернуть старуху историю с проторенного пути. Вы уже знаете, что до начала двадцатого века исторические процессы во всех слоях практически идентичны?

– Да. Насколько мне известно, серьезные отличия начинаются именно тогда.

– Правильно. Но сперва эти отличия все же не столь уж значимы. Давайте не будем брать миры, в которых случились глобальные катаклизмы. А только те, в которых исторические процессы развивались без вмешательства сил, не подвластных человеку. Ну и рассмотрим историю нашего отечества. Итак, из числа этих миров только шестая их часть обошлась без Первой мировой войны. И во всех случаях с войной Россия прошла через потрясения, а иными словами – революцию. Чаще всего к власти приходили эсеры, были и большевики, и анархисты, и диктаторы, и возрождение монархии.

– Странно.

– Что странно?

– Просто для меня как-то естественно, что победили большевики. А вы говорите, что случилось это в меньшинстве слоев.

– Большевики смогли победить только в тех мирах, где эсеры не проявили единства. Во всех остальных они в лучшем случае были на вторых ролях, но и то далеко не всегда.

– Ясно. Итак, вы, Илья Семенович, хотите загнать между жерновами истории эдакий камешек. Только я не понимаю, что мешает отправить туда вашего современника с определенным заданием? Для чего нужен кукловод?

– Тому есть несколько причин. Уж увольте, но озвучивать их я не буду.

– Ладно. Другой вопрос: отчего бы не вселить меня в Николая Второго? Он ведь император.

– Император, да. Но не лидер. Во всяком случае, всего лишь в пяти известных слоях он оказался личностью неординарной. Но там и Русско-японская война осталась за Россией, а японцев окончательно загнали на острова. И из мировой войны империя вышла в явном барыше. Но в данном слое он точно не лидер. Однако и помещать вас в него нет никакого смысла, хотя чисто технически вполне осуществимо. Но я не собираюсь этого делать, потому что это не имеет практического смысла.

– То есть подобный подход не найдет применения в современности, потому что ни одного из лидеров государств или сколько-нибудь значимых лиц под контроль кукловода не взять, – высказал догадку Шейранов.

– Примерно в этом ключе, – неопределенно покрутив перед собой кистью руки, ответил ученый.

– И в чем будет заключаться моя задача?

– Вы отправитесь в слой, где в результате революции должны победить большевики. Это неизбежно случится, если не последует вмешательство извне. В этом можете не сомневаться, метод просчета исторических процессов работает безотказно. Получается все очень похожим на ваш слой. Ваша задача – добиться любого результата, отличного от просчитанного. Без помощи извне. Единственное, на что мы пойдем, – это замена носителя, в случае его физического устранения.

– И я буду волен делать все, что угодно?

– Да хоть общество сатанистов создавайте, только бы получить результат.

– А как насчет этической стороны? Ведь это люди.

– Поэтому я и выбрал данный период. В разных мирах гражданская война унесла от семи до четырнадцати миллионов человек. В этом конкретном слое я предполагаю около десяти миллионов жертв, причем только за время гражданской войны, без учета потерь на фронтах Первой мировой. Так что здесь вам сложно будет что-либо испортить. Вы же врач. Значит, имеете свой счет спасенных жизней. Если очень постараетесь, то сможете записать на свой счет еще несколько миллионов человек.

– Я вас понял. Хотя и не уверен, что одиночке удастся добиться какого-либо результата. По-моему, тут нужен другой подход.

– Сергей Федорович, вот скажите, что вы сделаете, если во время операции я буду выглядывать у вас из-за плеча и поучать, как вам надлежит держать скальпель и вообще вести ход операции?

– Я вас понял, Илья Семенович. Много остается для меня тайной, – подняв руки в жесте сдающегося, произнес Шейранов.

– Именно. Вы, да и все остальные, видите только часть айсберга. Впрочем, что там, под водой, вас не должно волновать. Кстати, вы знаете, что такое реалити-шоу?

– Разумеется. У меня был доступ к подобным телепередачам.

– Так вот, вы будете участвовать в нем. Съёмочная группа одного известного продюсера станет полностью финансировать мой проект и обеспечивать его. Признаться, правительство не очень стремится вкладывать деньги в мой проект.

– Странно. Секретность – и вдруг реалити-шоу.

– Ну и что? Скрыть эксперимент все равно не удастся. Так отчего бы еще и не заработать на этом?

– То есть у вас имеется финансовая заинтересованность.

– Молодой человек, я не мыслю себя без моей работы, но я не одержим ею настолько, чтобы ходить в драных штанах. Да простят меня великие мыслители прошлого...

В этот момент в дверь постучали, и на приглашение хозяина кабинета в дверях появились Перегудов, Зайцев и двое парней из команды безопасника. Шейранов обрадовался знакомым лицам, но все же сумел сдержаться от необдуманных поступков. Они незнакомы. И лучше бы

постараться не вспоминать о прошлом общении. Во всяком случае, там, где нет уверенности в безопасности.

– А вот и наш продюсер! – поприветствовал вошедших Воркутинский. – Сергей Федорович, знакомьтесь, Антон Иванович Перегудов.

– Лучше по-простому, Антон, – протянул руку продюсер.

– Сергей, – в тон ему ответил Шейранов.

– Это начальник моей службы безопасности, Зайцев Семен Игоревич, он тоже за простоту общения, потому – Семен. Это его парни, Михаил и Петр, – продолжил представлять Перегудов.

– Господа, где я должен буду засвидетельствовать принятие на себя дальнейшей ответственности за объект? – поинтересовался Семен, обращаясь к представителям конторы.

Один из мужчин приблизился к столу и молча достал электронный планшет, произвел с ним какие-то манипуляции и протянул Зайцеву. Тот быстро ознакомился с содержанием, приложил к экрану большой палец и вернул гаджет владельцу. Конторские тут же потеряли к Шейранову всяческий интерес и покинули кабинет. А Михаил и Петр бесшумно, словно тени, заняли их места. Кстати, этих Сергей не помнил. То ли из новеньких, то ли просто до этого с ними не сталкивались.

– Итак, коль скоро с формальностями покончено... – Воркутинский многозначительно посмотрел на Перегудова.

– У нас все готово. База подготовлена, техническое и материальное обеспечение завершено. Согласно вашему списку, заряжено двадцать семь человек.

– Это был только первый этап. Вот список для второго.

– Полста человек. Вы не мелочитесь, должен вам заметить, Илья Семенович. И это только второй, подготовительный этап. Как бы мой бюджет не лопнул от такой натуги. Мне для всего шоу достаточно сотни заряженных, а тут все только начинается.

– Но так ведь и цель какая, – развел руками историк.

– Ну-у, у меня как-то все поскромнее, – слегка поерзав на стуле, произнес Перегудов.

И понять его не так уж трудно. Во всяком случае, Сергею. Сумма которую пришлось затратить продюсеру на легализацию Шейранова, была крупной до неприличия. А тут еще и масштабный проект Воркутинского. Антон, конечно, инвестор, но самостоятельно подобные объемы никак не потянет.

– Понимаю. Но кто сказал, что вся тяжесть финансирования проекта ляжет на ваши плечи? – улыбнулся в ответ Воркутинский. – Сегодня казначейство перевело на мой счет первый транш. Так что подготовьте финансовый отчет, и я переведу средства.

– А вот это уже радует, – оживился Перегудов. – Хуже нет, чем разыскивать средства в то время, когда нужно работать.

– Трудно вам возразить. Что с объектом для Сергея Федоровича?

– И объект, и два дублера уже на базе. Молодые крепкие ребята, и довольно образованные.

– Вот и ладушки. Тогда не смею вас задерживать. Простите, Сергей Федорович, но откладывать в долгий ящик просто нет смысла.

– Согласен, Илья Семенович. Да и признаться, самому не терпится.

– Ох, не спешили бы вы. Уж поверьте, там не мед и не сахар, придется хлебнуть лиха.

– Ничего. Зато не помру от скуки, – с улыбкой ответил Сергей.

– Уж от чего, от чего, но только не от скуки, – заверил его Воркутинский.

Уже через два часа они оказались на базе в окрестностях Киева. Место было выбрано довольно глухое. Эдакая лесная усадьба, к которой даже в это время вела проселочная дорога, проезжая для наземного транспорта только в сухую погоду. Или же этот самый транспорт должен был быть на «ты» с бездорожьем. Впрочем, на всякий страшный пожарный у съёмочной

группы имелся вертолет. Кстати, именно на нем они вчетвером и прилетели в усадьбу. Не хватало еще трястись по проселкам.

На той стороне, в смысле, в другом слое, портал выходил точно на этом же месте. И там, чтобы легализоваться, был куплен небольшой участок в лесу, где и поставлена рубленая деревянная усадьба с глухим забором. Этим обеспечение безопасности вовсе не ограничивалось. Пришлось Зайцеву постараться и обезопасить базу с применением довольно серьезных технических и маскировочных средств. Все же места довольно густонаселенные, и светиться было бы крайне нежелательно.

Вообще-то Киев избрали в качестве отправной точки. Шла война, и это место находилось поближе к линии фронта. Отчего-то Перегудов был уверен, что Шейранов выберет именно силовой вариант, а значит, отправится на фронт.

Впрочем, продюсер был готов к любому развитию событий. По мере необходимости база могла сменить свое местоположение с открытием портала на новом месте. Это было неприципиально. Тут все зависело от Шейранова, которому Воркутинский предоставил полную свободу действий. Чем руководствовался ученый, непонятно. Ну да кто же поймет этих гениев? А он был гением, хотя и признанным лишь в ограниченном кругу. Остальной научный мир воспринимал его как простого чудака, с такими же чудаковатыми идеями.

С Перегудовым все ясно. Этот собирался разыграть карту с попавшим в прошлое их современником. Благо коренные отличия в истории должны были начаться только к семнадцатому году. Ну и тема попаданцев периодически то и дело возникала в литературе и кинематографии.

Вот только в реалити-шоу использовать этот прием пока никто не догадался. Да и не получилось бы по большому счету. Разве только в мирах, где произошли глобальные катастрофы. Но ты еще найди добровольца, готового рисковать своей головой, которую там очень даже легко можно сложить. Главный-то герой, возможно, и будет играть, а вот остальные, если рассердятся, то совершенно реально. А это очень даже вероятно. В тех мирах народ резкий, озлобленный и пребывает практически в первобытном состоянии.

Впрочем, мало ли найдется людей с отморозенными мозгами. Отыскать тех, кто за неприлично крупное вознаграждение согласится поучаствовать в гонках на выживание, скорее всего не составит труда. Но пока ни о чем подобном никто не слышал. Очень может быть, что тут дело в том, что у съемочной группы мозги должны быть не менее отморозенными...

– Антон, ты это специально?

– Что такое, Сергей Федорович? – невинно захлопал ресницами продюсер, глядя на вошедшего в кабинет.

Высокий, довольно широкий в плечах, русоволосый, голубоглазый парень лет двадцати пяти. Черты лица правильные и даже аристократические. Впрочем, тут нет никакой ошибки, Шестаков Иван Викентьевич и впрямь выходец из дворянского рода, пусть и служилого.

В студенческие годы, как, впрочем, и большинство его сверстников, Шестаков увлекся революционными идеями и даже вступил в партию эсеров-максималистов. Был уличен в революционной деятельности и отчислен с юридического факультета Петербургского университета. В совершенстве владел английским, немецким и французским.

– Послушай, он же...

Шейранов не нашел слов, чтобы выразить свое отношение к Шестакову. Если в прошлый раз Сергей воспринял своего подопечного как близкого человека, то от нынешнего его откровенно тошнило. Сволочь. Нет, это мягко сказано. Гад, подобных которому он безжалостно уничтожал там, в своем слое. А кем еще может быть революционер-террорист, от чистых рук и светлых помыслов которого погибли десятки людей. А потом были еще многие, кто погибали уже от его низменных желаний.

В партию Шестаков пришел в тысяча девятьсот пятом, без раздумий измаравшись кровью невинных жертв во имя революции. Вот только к одиннадцатому году партия эсеров-максималистов фактически прекратила свое существование. Он, боевик этой самой партии, вкусивший вкус крови, остался не у дел. Образования нет, профессии нет, и желания овладеть одной – тоже, а главное – нет подпитки из партийной кассы.

Оказавшись выброшенным на обочину жизни, Шестаков вспомнил о том, как добывались деньги на партийные нужды. Далеко не всегда для этого осуществлялись нападения на почтовые, банковские или таможенные кареты, перевозившие крупные суммы под усиленной полицейской охраной. Нередко это были простые купцы и фабриканты, которым предлагалось выплатить откупные. Заплатил – и живи спокойно. Не хочешь? Тогда вознесешься от взрыва бомбы во имя революции и светлого будущего. Если повезет, только ты, а нет, так и со всем семейством. Зато другой проклятый эксплуататор окажется куда сговорчивее.

Конечно, таким образом по-настоящему больших средств не экспроприировать. Только на поддержание штанов, а революция – дело дорогое и затратное. Но ведь какие-то там пятьдесят тысяч – это для партии мелочь. А если для троих смелых и не боящихся крови, так и нормально получается. Причем, это с одного купчишки. А если выбрать троих-четверых, то уже вполне солидно выходит. Опасно, конечно. Но это не беда. К опасности они уже привыкли.

– Я надеюсь, у тебя не появилось желания выстрелить ему в висок? Сергей, ты только пойми правильно, тебе вообще желательно избегать ранений в голову, не приведи Господь, повредишь имплантат, он, конечно, маленький, но пуля ведь дура. А тогда твой разум вместо твоего тела отправится в необъятный космос, – с показным сочувствием произнес Антон.

– Очень смешно! – фыркнул Шейранов.

– В том-то и дело, что это вовсе не шутка. Так что поаккуратнее там, – уже серьезно предостерег Перегудов.

– Я помню. Но зачем было подбирать такого маньяка? – все же не унимался Сергей.

– А затем, чтобы ты не проникся к нему симпатией. Гниль человек, и если доживет до гражданской войны, беды от него будет просто прорва.

– Остальные двое дублеров такие же?

– Его дружки. И кстати, оба в совершенстве владеют немецким. Ну, это так, на всякий случай, вдруг ты решишь податься на фронт, так что немецкий тебе совсем не мешает. Словом, этих, как твоего разлюбезного Темлякова, тебе жалеть не за что.

– Я тебя понял.

– И это радует.

– Антон, мне бы подготовиться. Освежить в памяти исторические события, может, что-то из технических новинок...

– Стоп, Сергей. А теперь слушай меня внимательно. Со всеми этими тремя ублюдками тренировались на предмет рукопашного боя, и тренировки продолжатся дальше. Для закрепления мышечной памяти отрабатываются все твои приемы. Ты сам тоже можешь потренироваться, в том числе и в обращении с местным оружием. Хоть с пулеметом. Но это все. Больше ты ничего не получишь. Мало того, мы выпустим тебя в свет с сотней рублей в кармане, это все еще не так уж и мало, плюс документы. Эти трое были достаточно ушлыми, поэтому розыск на них не заведен. Впрочем, документы сможем изготовить любые, на выбор. Но дальше ты предоставляешься самому себе.

– То есть не будет помощи даже в плане информации?

– Даже если увидим, что тебе угрожает смертельная опасность. Таковы условия Воркутинского, и нам с ним ссориться не резон. И еще. Сергей, очень прошу, не забудь кодовую фразу. Если поймешь, что кто-то собирается вышибить тебе мозги, проговаривай, не задумываясь.

– А если этот ублюдок выживет?

– Без вариантов. То, что мы не станем тебе помогать, вовсе не означает, что нас не будет рядом.

– Хорошо. Я запомню.

Глава 2. Петроград

Паровоз свистнул в последний раз и натужно вздохнул, окутавшись облаком пара. Благодаря морозному дню это облако оказалось особенно плотным и непроницаемым. Впрочем, эффект длился недолго. Разогретый пар тут же устремился к стеклянному перекрытию дебаркадера Варшавского вокзала Петрограда, как теперь патриотично называлась столица. Еще несколько секунд, и облако окончательно истаяло, оставив на мутном от копоти стекле тонкий слой инея.

Одновременно с этим огромное помещение, предназначенное для прибывающих поездов, огласилось звонким перестуком буферов. В свою очередь, вагоны вздрогнули в последний раз, сначала подались вперед, затем слегка откатились назад и, наконец, с легким скрипом металла неподвижно замерли на месте. Двери тут же распахнулись, и в них появились проводники, вышедшие наружу и замершие справа от входа, готовые проводить своих пассажиров.

Тем временем встречающие, заполонившие весь перрон, пришли в движение, сначала высматривая нужный вагон, а затем тех, кого, собственно говоря, встречали. Публика была самой разнообразной – от рабочих в простых дохах и пальто дешевого сукна, кружившихся в хвосте состава, до знатных особ в шубах и пальто уже сукна дорогого и с меховыми воротниками. То и дело мелькали форменные шинели различных чиновников. Хватало среди встречающих и лиц в военной форме, и офицеров, и нижних чинов.

Прибывшие неизменно останавливались в дверях вагонов, осматривая встречающих с высоты площадки. Одни находили тех, кого ожидали увидеть, и, озарившись улыбкой, спешили спуститься на мостовую перрона. Другие, не найдя никого, сжимали губы в тонкую линию и также покидали вагон, но только уже не такими радостными.

Шестаков, или, если точнее, Шейранов, никого не искал среди встречающих. И тем не менее также остановился при выходе из вагона второго класса. Только причина его задержки была куда прозаичнее, состоявшая в желании осмотреться. А посмотреть было на что.

Признаться, ему казалось, что в царской России все было как-то убого и отстало. Виденный им более ранний Пятигорск, конечно, выглядел очень даже опрятно, но ведь это курортный городок, который содержали в порядке, в том числе, и специальными указами. И потом, пыльные в зной и грязные после дождя улицы никуда не деть. А уж в распутицу они и вовсе становились непролазными. Да, это происходило семьдесят лет назад, но для этого времени вообще было свойственно все делать медленно. Во всяком случае, по мнению представителя более позднего поколения.

Но Петроград не подкачал. Один только остекленный дебаркадер чего стоит. Серьезная конструкция из стекла и металла, которую он ну никак не ожидал увидеть в это время. Однако вот она, во всей красе. Снаружи имеет место обильный снегопад и даже метель, а здесь достаточно светло, относительно тихо и тепло. Конечно, наверняка мороки со стеклом достаточно из-за паровозной копоти, но местных это, похоже, не пугает.

Не сказать, что Шейранову не понравился Киев, откуда он прибыл в столицу. Наоборот, очень даже понравился. Сергей остался очарован этим городом, несмотря на то что попал туда в зимнюю пору. Занесенные снегом улицы, аллеи с голыми деревьями, тихо потрескивающими на лютном морозе. Жители, спасаясь от холода, кутаются в теплую одежду, спешат по своим делам. Праздношатающихся в такую пору не сыскать.

Подготовительный период отнял достаточно много времени. Перегулов прекрасно понимал, что теперь ни о каких поддавках не может быть и речи. Поэтому готовился основательно, задействовав как государственные средства, выделенные для эксперимента, так и свои собственные. Он хотел предусмотреть как можно больше, чтобы быть готовым к любому развитию событий.

А вот Сергею Федоровичу как-либо подготовиться не позволили. Нет, он очень даже занимался личной физической подготовкой. От души и в полную меру отработывал приемы рукопашного боя на своих, а вернее, Шестакова, товарищах. Работал он с ними, как говорится, в полный контакт. Впрочем, и они – тоже, что для него было только на пользу.

Кстати, он не смог удержаться от любопытства и поинтересовался их будущей судьбой. Не сказать, что он их жалел, но все же и хладнокровного убийства одобрить не мог. Одно дело, если во время эксперимента, и совсем другое – просто так.

Оказывается, Зайцеву тоже претила мысль о хладнокровном убийстве, хотя, по его мнению, эти ребята вполне заслуживали пулю в лоб. Ну да, в судьи себя записывать никто не собирался. На случай если они останутся живы, решили передать их в руки правосудия с доказательной базой, разумеется. А там, пусть их судят. Они, конечно, могут начать трезвонить насчет прищельцев. Вот только кто им поверит?

Тренировался Шестаков-Шейранов и в обращении с оружием. Впрочем, тут он мало что почерпнул для себя нового. Конечно, многие образцы он в руках держал впервые, но ничего сверхъестественного. Тот же пулемет Максима, здоровенную и тяжеленную дуру, он с удовольствием сменил бы на «ПК». Но с другой стороны, практика в стрельбе никогда не будет лишней.

Отчего особое внимание уделялось именно боевой подготовке? Так ведь времена какие. Война с каждым днем набирает обороты, вон уже и Турция вступила в эту всеобщую мясорубку. Впрочем, мясорубка пока еще не всеобщая, но тенденция намечалась нехорошая. Затем война мировая резко перейдет в войну гражданскую. А по условиям эксперимента ему никак не удастся отсидеться в какой-нибудь глухомани. Так что боевая подготовка лишней совсем не будет.

А вот во всем остальном его ожидало полное разочарование. Он не получил ни грамма информации об этом историческом периоде. Есть потребность, напрягай извилины и вспоминай все, что тебе известно. Правда, если честно, то ему почти ничего не известно. Разве только о руководящей роли партии, которую вдалбливали им в школе и в институте. И потом, он не больно-то интересовался историей, отдавая предпочтение предметам, составляющим суть его будущей профессии.

Не изменила его отношения к истории и встреча с Перегудовым. Разумеется, Шейранов собирался работать с продюсером и прекрасно сознавал, что ему придется вселяться в подопечных в различных слоях. Но он предполагал, что перед каждым вселением у него будет возможность подготовиться по различным направлениям. А еще ему всегда помогут информацией участники съемочной группы. Но подхода, имевшего место сейчас, он точно не ожидал...

Покинув перрон, он прошел в здание вокзала. Задерживаться тут не было никакого смысла. Хотя он не смог отказать себе в удовольствии осмотреть его. Не сказать, что здание столь уж велико, но в то же время останавливает взор и очень даже впечатляет. Внутренняя отделка... Пускай кому-то из его современников она может показаться аляповатой, но его почему-то посетило странное желание взглядеться в каждый завиток позолоченной лепнины, в каждую фигурку. Он, конечно, не пошел на поводу у этого желания, но оно присутствовало.

При вокзале имелся ресторан, и, судя по доносящимся ароматам, его меню было далеко от знакомых Шестакову привокзальных тошниловок. Просто, с одной стороны, содержать на вокзале гадюшник тут никто не позволит, а с другой – солидная публика в сомнительное заведение не пойдет.

Впрочем, дразнящие ароматы прошли мимо его обонятельных рецепторов по причине отсутствия голода. С учетом военного времени поезд из Киева до Петрограда добирался в течение полутора суток, поэтому Шестаков успел плотно позавтракать в вагоне-ресторане и пока еще не проголодался.

Нда. Все же что таксисты его времени, что извозчики в этом народ ушлый и наблюдательный. Вроде бы и одет Шестаков небогато, пальтишко – так себе, среднего достатка, без

бобрового воротника, и на голове не соболя шапка, простая папаха. Но тем не менее извозчик довольно лихо подкатил к нему, резко осадив резвого коня, даже слегка присевшего на задние ноги.

– Здравия вам, господин хороший. Куда ехать?

– Ишь ты каков, братец. А как я на трамвай подамся?

– Не, господин хороший, не подашься. Не таковский будешь. Тебе в общей душиловке ехать не резон. Пооди еще, и вторым классом прибыл.

– Вот ведь шельма, все знаешь.

– Не все, но в жизни повидал многое и многих.

– Так, может, ты еще и знаешь, куда мне ехать надо? – устраиваясь в санях и пристраивая рядом объемистый саквояж, поинтересовался Шестаков.

– Знамо дело, куда. До гостиницы, потому как вид у тебя, уж прости, не местный. Глядишься вокруг так, словно тебе тут все в диковинку.

Вообще-то Шестаков, можно сказать, местный. Родом не из столицы, но зато в этом городе провел несколько лет. А если учесть его террористическую деятельность, необходимость конспирации, то город он знал очень хорошо. Но с другой стороны, сейчас на Петроград его глазами взирал Шейранов, который не был здесь и в своем слое. Так уж сложилось, что успел побывать во многих местах за границей и даже за океаном, а вот до Северной столицы как-то не добрался.

– Верно судишь, не местный. Но насчет гостиницы ошибся малость. Доходный дом шестнадцать на Казанской знаешь?

– А то.

– Вот туда и правь. Да не кругами, не обижу.

– Эка, – удивился сидевший вполоборота к нему извозчик, озадаченно сбив набок шапку. – А ить город-то ты, получается, знаешь.

– Ну как знаю. Жил какое-то время.

– А глазел так, что враз ясно, впервой тут.

– Нравится мне просто Петроград, вот и не могу наглядеться.

– Это да, у нас есть на что поглядеть. А как летом, так и вовсе красота, особенно в белые ночи.

– Да знаю я, знаю. Поезжай уже.

– Н-но, залетная! Пошла!

Перегудов и Воркутинский остались верными себе и без зазрения совести решили снабдить Шейранова для предстоящего дела «огромной» суммой – аж в сотню рублей. Мол, выкручивайся дальше, как знаешь. Вообще-то могли бы раскошелиться и щедрее, учитывая задачу, стоящую перед ним. Ну да что с них взять, два одержимых своей работой жлоба.

Однако дела оказались не так плохи, как могло показаться на первый взгляд. Шестаков был не просто сволочью, не чурящейся кровавых денег. Он был достаточно предусмотрительным и собирался дожить до старости. Причем старость эта должна быть весьма обеспеченной.

Большую часть незаконно нажитого он вовсе не растратил на беспутные кутежи, девок и пьянки, а припрятал. Причем, следуя старой доброй мудрости, он не стал складывать все яйца в одну корзину. Впрочем, данное утверждение довольно относительно, потому что корзинка в любом случае получалась одна, хотя деньги и хранились в разных углах. Им были открыты вклады в двух столичных сберегательных кассах на свое имя. В настоящее время на них лежали двадцать и четырнадцать тысяч. Имелась и наличность в виде пяти тысяч. Все это было припрятано в тайниках его квартиры.

Ну да, Шестаков снимал в Петрограде жилье. Квартирка так себе, небольшая кухонька, санузел, ванная и жилая комната. Но с другой стороны, одному больше и не нужно. Опять же

довольно приличный доходный дом в приличном же районе. Ну пусть жилец отсутствует, и что с того, за квартиру уплачено на год вперед.

Кстати, срок следующего платежа в феврале, осталось меньше месяца. Надо бы решить, нужна еще будет ему квартира или нет. В принципе лучше все же внести плату, чтобы голова не болела. Деньги не такие уж и большие, всего-то пятнадцать рублей в месяц, зато нет никаких вопросов относительно того, где кинуть кости. Опять же это позволит без суеты осмотреться и принять решение, в каком из направлений начать двигаться.

Собственно говоря, именно наличие квартиры и сбережения Шестакова толкнули Шейранова сразу же отправиться в столицу. Хорошо еще хоть Воркутинский и Перегудов ничего не знали об этих деньгах, иначе чего доброго решили бы лишиться его этих средств. А ведь это, между прочим, не столь уж и великое состояние. Нет, понятно, что сумма вроде бы немаленькая, но, как говорится, все познается в сравнении. Вот ему, к примеру, предстоит ни много ни мало изменить ход истории. Ну и как, серьезная это сумма на фоне предстоящей задачи? То-то и оно.

Осознав, что пассажир ему достался не заезжий, а хорошо знакомый с городом, извозчик решил взять лихостью. Прокатил с ветерком, да так, что у Шейранова аж дух захватило. Нет, не от испуга, хотя и подумывал о том, что этот шельмец ненароком кого-нибудь собьет. Просто бьющий в лицо холодный ветер – то еще удовольствие, пришлось с головой укутаться в подстеленный в санях тулуп, дохнувший еще тем амбре.

Нужно бы озаботиться одеждой по сезону, а то недолго и простудиться. Опять же вид у него не такой уж презентабельный. В рабочей слободе очень даже представительный, а вот в центральных кварталах – как-то не очень. Кстати, неподалеку от его квартиры имеется ателье довольно приличного портного Жилина, вот к нему и стоит обратиться. А еще, если не изменяет память, у него можно прикупить и готовое платье. Правда, это если повезет с размером.

До дома добрались довольно быстро, а потому кучер заслужил свои пятьдесят копеек, чем остался искренне доволен. Все же таксисты – настоящие и прямые наследники вот этих извозчиков. В среднем проезд обходится от десяти до двадцати пяти копеек. Но привокзальные извозчики без зазрения ломили пятьдесят даже за самую короткую поездку. И ты еще попробуй втиснись на привокзальную площадь. Там все схвачено, вплоть до городских. Ничего не напоминает? Вот и Шейранов удивился, когда все это добросовестно подсказала ему память Шестакова.

Поблагодарив щедрого господина, извозчик лихо сорвался с места. Впрочем далеко ускакать у него не получилось. Буквально через пару десятков метров его окликнул какой-то мужчина, вышедший из арки соседнего дома, кутаясь от пронзительного ветра в меховой воротник своего пальто. Думаете, извозчик огорчился по этому поводу? Вот уж ничуть не бывало. Лихо вильнул санями и с ювелирной точностью остановился напротив мужчины.

Шейранов глянул на дом, который легко узнал по воспоминаниям Шестакова. Ничего так. Три этажа, но здание все равно высокое, потому как потолки в два с половиной метра тут не встретишь. Вполне соответствующий облику Петрограда фасад. Арка, вычищенная от снега местным дворником, несмотря на то что снегопад и ветер еще не прекратились. По меркам Шейранова, арка несколько низковатая и узковатая, но не для нынешних реалий, когда грузовики – это довольно редкое явление. Тут все больше пользуются гужевым транспортом. За аркой небольшой двор-колодец, в который выходят парадные.

Вошел во двор, повернул к правой парадной, поднялся на третий этаж, сунул ключ в скважину. Легкий щелчок, другой, дернул ручку на себя, дверь подалась без проблем. Из квартиры пахло теплом и затхлым воздухом нежилого помещения. Ничего удивительного, Шестаков не появлялся тут больше полугода – уехал в Киев трясти тамошних купчишек. Хорошо хоть в доме действует своя котельная и имеется водяное отопление. Ну и то, что не оставил открытой форточку, тоже очень даже к месту. А ведь собирался отсутствовать не больше месяца.

Едва вошел в квартиру, как тут же прошел в комнату и открыл форточку, чтобы проветрить помещение. Станет чуть прохладнее, но это не беда. После этого проверил все три тайника. Нормально. И хозяин дома порядочный человек, не появлялся в квартире, и воров не было, ну и продюсер с историком не установили наличие такого бонуса, что также грело.

Да, деньги грязные, но Шейранов и не думал от них отказываться. Что же касается моральной стороны вопроса, то он старался не думать о ней. Ему, конечно, не впервой пользоваться деньгами с кровавой меткой. Но те деньги, что перепадали его подопечному на кавказской войне, были военной добычей, а эти... Стоп. Лучше не перегружать мозг и не включать чистоплюя. В конце концов, не его стараниями свершались грязные дела.

Прошел к платяному шкафу. Одежда на месте, как ее и оставил Шестаков. Но очень уж все какое-то... Словом, в приличном обществе не появишься, а таскаться по явочным квартирам рабочих-подпольщиков... Нет, постепенная карьера в обществе революционеров его не устроит. Ему нужен стремительный рост, а значит, необходимо оказаться как можно ближе к верхушке. И для начала не помешало бы приодеться.

Прошел на небольшую кухню. Как, впрочем, и следовало ожидать, из съестного – только фунт конфет, к которым прикасаться не было никакого желания. Пакет с печеньем, зачерствевшим до такой твердости, что куда там сухарям. Жестянка с чаем, которому ничего не стало, сахарница.

Служанки у Шестакова не имелось, топить печь и готовить некому, поэтому он питался в трактире неподалеку. Весьма приличное и опрятное заведение, с хорошей кухней и недорогое. Плотный обед стоил всего лишь двадцать копеек, это если без стопочки водки для аппетита. А вот на случай, если вдруг в неурочный час захочется чего-нибудь перекусить, у него всегда имелся кое-какой запас продуктов. Ну и самовар керосиновый. Очень удобная штука, работающая по принципу примуса.

Ну что же, убедился, что сбережения в порядке. А ведь сумма могла быть и побольше, если и у дружков Шестакова что-то припрятано. Не догадался влезть и им в головы, причину найти можно было без труда. Впрочем, судя по воспоминаниям Шестакова, напарники его уж больно любили пожить на широкую ногу, и проживали в довольно приличных гостиницах, и хаживали в рестораны. Словом, сомнительно, чтобы у них нашлись какие-то сбережения, жили одним днем, о будущем не думали. Скорее всего были убеждены, что этого самого будущего у них и нет вовсе.

При себе оставил пятьсот рублей. Этого должно с лихвой хватить и на обновление гардероба, и на квартплату, да и вообще на первое время. Ему бы осмотреться для начала, а то ведь сколько уже голову ломает, но никак не придет к решению, с чего начать.

Звонок в дверь. Интересно, кого это там принесло? Зайцев вроде бы говорил, что на след этой троицы полиция так и не вышла. Но мало ли как все обстоит на самом деле? Может, кто из прежних знакомых? Исключено. Шестаков вообще никого не знал в этом доме, не водил знакомств и никому не говорил, где живет. Кто-то случайно увидел?

Механический звонок тренькнул вторично. Да чего, собственно, гадать, нужно открывать. Проверил состояние метательных ножей в руках. Так, на всякий случай. Без оружия он чувствовал себя чуть ли не голым. Хотел было прикупить револьвер, но по здравом размышлении отказался. Кто его знает, как там в квартире с его сбережениями, а спускать чуть не все имевшиеся деньги на оружие... Не Дикий Запад. Обойдется.

– Здравствуйте, Иван Викентьевич.

Услужливая память Шестакова подсказала, что вот этот полноватый мужчина в пальто с бобровым воротником, в бобровой же шапке не кто иной, как хозяин доходного дома. Власьев знал всех своих жильцов, лично договаривался с каждым из них о найме, постоянно интересовался проблемами. Ну и за домом следил, не отнять. Если вдруг окажется, что его доходный дом содержится лучше всех остальных, то это никого не удивит.

– Здравствуйте, Степан Спиридонович. Что-то случилось?

– Вы позволите?

– Простите. Я просто удивился. Проходите, конечно же. Так что случилось? – повторил свой вопрос Шейранов, когда Власьев оказался в прихожей.

– Видите ли, уже несколько месяцев, как начался отопительный сезон, а мы так и не проверили, все ли в порядке в вашей квартире.

– Н-да. Я отсутствовал. Все случилось слишком непредвиденно.

– Если позволите...

– Да-да, конечно. Прошу. – Шейранов отошел в сторону, позволяя Власьеву пройти в квартиру.

Тот быстро обошел помещение. Не смотри, что весь в бобре и важный из себя господин. Осмотрел все со знанием дела, это Шейранов определил сразу. Он был родом из СССР, где мало стать хорошим врачом, но еще не мешало бы разбираться в других вещах, к примеру, уметь произвести мелкий ремонт. Похоже, домовладелец не привык переплачивать ушлым мастерам.

– Так, с отоплением порядок. Все работает исправно, и нигде не течет.

Ну, это понятно. Будь иначе, он бы не проявлял столь явной щепетильности, и запасные ключи у него наверняка есть. Просто ему нужен был повод, чтобы встретиться с квартиросъемщиком. Только непонятно, как Власьев смог так быстро узнать о его приезде. Хотя-а... Дворник. Ну да, здесь дворники следят за всем, они еще и осведомителями в полиции являются.

– Иван Викентьевич, мне неприятно об этом говорить, но прошу понять меня правильно... Кхм. Дело в том, что с началом войны цены несколько поползли вверх, а уголь я обычно закупаю только к концу сентября...

– Не утруждайтесь, Степан Спиридонович. Просто скажите, сколько я должен доплатить.

– Пять рублей с учетом следующего месяца.

– То есть по рублю за каждый месяц. Никаких проблем. Кстати, я хотел с вами поговорить о квартирной плате на следующий год. Могу я внести сумму вперед?

– Несомненно. Вот только плата изменилась. До конца февраля у вас проплачено, и я не имею никакого права увеличивать сумму, но далее...

– Степан Спиридонович, поверьте, я прекрасно понимаю, что с началом войны цены претерпели изменения. Но я надеюсь, не столь значительные.

– Плата нынче составляет восемнадцать рублей в месяц.

– Хм. Признаться, глядя на вас, я грешным делом подумал, что может быть куда больше. Это вместе с доплатой за отопление?

– Да.

– Прекрасно. Итого вместе с доплатой получается двести двадцать один рубль.

– Именно так.

– Прошу.

Распрощавшись с домовладельцем, Шейранов направился к портному. А чего, собственно говоря, откладывать в долгий ящик то, что можно, как, впрочем, и должно, сделать сразу. К счастью, с обновлением гардероба не возникло никаких проблем. Так уж вышло, что у портного нашлось готовое платье, разве только нужна была небольшая подгонка, с которой он обязался управиться уже к вечеру. Ну и сняли мерку на пошив нового костюма, неправильно, когда нет смены.

В ожидании, когда портной будет готов его преобразить, Шейранов посетил трактир, ибо желудок уже требовал насыщения. Потом прошел в цирюльню и привел там себя в порядок. Далее – в обувную лавку. К новому гардеробу совсем не помешает и новая обувь. Хм... А ничего. Очень даже удобно. А главное, нельзя сказать, что, на взгляд представителя два-

дцать первого века, полусапожки выглядят старомодно. Конечно, отсутствие молнии ощущается сразу же, но и со шнурками очень даже ничего. А главное, удобно.

Хотел было пройтись по городу, однако очень быстро отказался от этой дурной затеи. Снегопад уже прекратился, но ветер не думал утихать, метя по улицам снежную взвесь и завывая между домами. Именно про такую погоду и говорят, когда поминают собаку и хорошего хозяина.

Ограничился тем, что посетил книжную лавку. Там он прикупил книжку какого-то неизвестного ему автора. Подкупила иллюстрация в виде индейца с пышным плюмажем из перьев и сравнительно легкий слог для этого времени. Иными словами, самое обычное бульварное чтиво, как раз то, что нужно, чтобы убить время до вечера.

Не забыл приобрести и несколько газет. Конечно, сомнительный источник для получения информации. Газетчики во все времена с пренебрежением относились к ее достоверной подаче. Тот, кто будет утверждать обратное, либо слишком уж легковверен, либо сам является репортером. Газета должна продаваться, а значит, в ней нужно подать такую правду, которая будет этому способствовать. А правда, она, как всем известно, имеет очень мало общего с достоверностью, а уж с истиной и подавно. Но с другой стороны, газета все же меньшее из зол, потому что альтернатива ей – это слухи. Вот уж чему нельзя верить ни при каких раскладах, так это слухам.

Вернувшись на квартиру, быстро просмотрел прессу. Угу. Цензура, как говорится, в действии. Сплошные хвалебные оды славному русскому воинству, насмешки и пренебрежение по отношению к немцам и австриякам. Интересно, а как же тогда эти самые колбасники разгромили армию Самсонова, да так, что практически никто из ее числа не вышел к своим.

И потом газетчиков этих и цензуру вместе с ними нужно приподнять над полом за воротник да хорошенько встряхнуть. Автор очередной статьи вздохнул рассказывает о подвиге славного гвардейского Семеновского полка. Это же надо, подняться в лобовую атаку по открытому полю, на поливающие их свинцом пулеметы. Лихо, в полный рост, потеряв треть личного состава, захватили целых шесть пулеметов и две роты пленных немцев. Чудо-богатыри!

Ну да. Солдаты, они и есть чудо-богатыри. А вот те, кто послал их в эту убийственную атаку, дебилы. Их не награждать нужно, а ставить к стенке. Причем без суда и следствия. По законам военного времени. Ну и к какому выводу должны прийти люди, читая такие строки? Какой-нибудь интеллигент, рассуждающий о высоких материях за обеденным столом, восхитится силой духа русского солдата. Курсистка закатыт глазки и томно вздохнет.

Но найдутся и те, кто очень даже сможет использовать это в своих революционных целях. Как, впрочем, и различные провокаторы. «Вы только посмотрите, этот преступный режим и сам не отрицает, что бросает солдат на пулеметы и под разрывы снарядов бездумно, как пушечное мясо». Да ну их к черту! Лучше почитать что-нибудь легкое и ненавязчивое. Вот про индейцев, например...

За чтением время пролетело довольно быстро. Казалось бы, только что сел с книжкой в руках, и уже нужно включать освещение. А это верный признак того, что пришло время посетить портного. С сожалением отложил в сторону чтиво. Странно все же. Читается на одном дыхании, слог очень легкий, а об этом авторе он никогда и ничего не слышал. Да тут никакой Фенимор Купер и рядом не стоит. Не мог такой автор оказаться в забвении. Хотя-а. После революции-то да после гражданской... Тут могло произойти и не такое.

Портной не подвел, все уже было готово. Надел на себя. Все подогнано с ювелирной точностью. Костюм и пальто сидят как влитые. Ткань без примеси синтетики, поэтому мяться будет безбожно, но зато очень даже приятная на ощупь, и, несмотря на непривычный крой, чувствуешь себя в такой одежде достаточно удобно. Все же когда за дело берется мастер, пусть и не Версаче, это чувствуется сразу. И ведь одежда изначально шилась не на него, а ее подогнали, причем в довольно сжатые сроки.

Едва вышел из ателье, как тут же заметил извозчика. Остановил, всучил десять копеек, велел ожидать. До гостиницы «Европейская», по улице Михайловской, где он решил сегодня появиться в свете, было не так чтобы и далеко. Если бы речь шла о теплом летнем или хотя бы безветренном морозном вечере, то он, пожалуй, прогулялся и пешком. Но ветер и не думал утихать. Так что лучше переплатить извозчику и доехать в относительном комфорте.

В «Европейской» только к концу прошлого лета закончили ремонт, который длился целых семь лет. Бог весть отчего так долго, но оно того стоило. Шестаков помнил, какой была прежняя гостиница, застал ее еще до начала ремонтных работ. Как, впрочем, и после открытия. Бывал и в самом здании. Если бы захотел, то мог бы в ней и поселиться, вот только желания-то и не было.

А оказался внутри по приглашению бывшего партийного соратника. На тот момент политическая борьба да и политический террор его уже не интересовали. Однако решил все же принять приглашение. Так, на всякий случай, вдруг какая-нибудь интересная информация. Он бы от солидного экса¹ не отказался, может, наводка какая выйдет, а может, долю немалую за участие получит. У него опыт богатый, будет полезен в серьезном деле.

Вот только все оказалось пустышкой. Ни о каком эксе речь там не шла в принципе. Зато встретил других товарищей и стал свидетелем очередной жаркой дискуссии на тему: «Кому на Руси жить хорошо?» Его бывшие однопартийцы и не думали успокаиваться, примкнув к партии эсеров. Вот только ему с ними было не по пути.

Но это Шестакову. А вот Шейранову очень даже может быть. Правда, он в этих политических и партийных делах как свинья в апельсинах, если забыть о его знаниях, касающихся руководящей роли большевиков. Да и то, если честно, те знания у него на двоичку. Как только сдавал зачет, тут же все забывал как ненужную муть. Конечно, он успел побывать коммунистом, а иначе всю жизнь проработаешь в сельской амбулатории. Но к тому времени все уже было намного проще. Стоило лишь красиво разобраться с аппендицитом сынишки председателя райисполкома.

Так вот, гостиницу не просто отремонтировали, а можно сказать – перестроили. Практически неизменным остался только фасад, а внутри реконструкция получилась капитальной. Ну и цель его путешествия, ресторан гостиницы, конечно же, был выше всяческих похвал.

Располагался он в довольно просторном помещении первого этажа. Навскидку никак не меньше трех десятков круглых столов со стульями с высокими прямыми спинками. В торце чуть не во всю стену – огромное витринное окно. Днем благодаря ему помещение заливается дневным светом, но сейчас уже стемнело, а потому ресторан освещен электричеством. Лампочки так себе, на взгляд Шейранова бледноватые, но, с другой стороны, их достаточно, чтобы в помещении было светло и комфортно.

Нда. Все хорошо, и обстановка приятная, и кухня, судя по ароматам, на высоте. Одно смущает. Непонятно, удастся ли сегодня здесь поужинать. Хотя уже ясно, что бывших однопартийцев в этом месте он сегодня не встретит. Если же они и окажутся тут, то будут вести себя вполне пристойно. Еще на входе швейцар предупредил Шестакова, что сейчас здесь проходит благотворительный ужин.

Впрочем, благотворительный он или нет, поесть-то хочется. Хотя что-то ему говорило о том, что сегодняшние цены окажутся заоблачными. Но с другой стороны, отчего бы и нет, если это позволит какому-нибудь госпиталю купить лишнюю упаковку бинта. Образно, конечно. А вот в том, что деньги будут потрачены по назначению, никаких сомнений. Он это знал опять же благодаря памяти Шестакова. В России вообще благотворительность имела весьма широкий размах, и, что самое интересное, при злоупотреблениях во многих областях на эти средства посягательств было меньше всего, а вот суммы там крутились очень даже серьезные.

¹ Экс – жаргонное «экспроприация».

Да вот хотя бы бросить взгляд на поданное благотворительное меню. Обычный ужин в этом респектабельном ресторане должен был обойтись в рубль. При широком размахе, обжорстве и безмерном количестве выпитого вина – в десять рублей. Это он должен был постараться от души и не забыть о щедрых чаевых. Но если верить меню, то сегодняшней обычный ужин обойдется ему в пятьдесят рублей. Хорошо все же, что он прихватил с собой всю наличность, отложенную на карманные расходы.

Прикинул, сколько здесь присутствует человек. Получилось что-то около сотни, а быть может, и больше. Причем народ не скромничал, столы ломились от блюд. Но даже по самым скромным прикидкам, получалось пять тысяч рублей. Нечего сказать, весьма солидно. Впрочем, ограничиться только ужином не получилось. Заказал еще и бутылочку «Киндзмараули» за двадцать пять рублей. С ума сойти! И ведь все не выпить. Ладно, на благое дело не жалко...

– ...Последним выстрелом орудия подо мной убило лошадь. Я вскочил на ноги, осмотрелся и пошел к немецкой батарее пешком. Мои орлы ворвались в ее пределы и перебили прислугу. Дело было сделано. Вот, собственно, и все, господа², – скромно разведя руками, закончил повествование гвардейский полковник.

– Ну к чему эта показная скромность, Петр Николаевич. Георгиевские кресты за красивые глазки не дают. Ваши действия на поле брани достойны всяческой похвалы, и награда тому подтверждением. – Дородный мужчина покачал головой и легонько попенял офицеру пальцем.

– Но ведь потом был еще и бой при Гумбинене, – чуть не с придыханием произнесла одна из женщин, присутствовавшая за широким застольем.

Кстати, Шейранов также не остался в одиночестве. Ужин благотворительный, а потому в одиночку занимать целый столик было просто неприлично. Так что к нему подсадили какого-то худощавого чиновника болезненного вида, его богатую телесами жену и статную дочь. Эдакую восторженную курсистку, буквально пожирающую полковника взглядом, отвлекаясь от этого занятия только изредка, когда ее одергивала маменька.

– Ну, господа, уж там-то у меня не было никаких особенных заслуг. Дело сделали богатыри из 29-й дивизии генерала фон Паулина. Да, господа, вопреки расхожему мнению русские немцы воюют честно и самоотверженно.

– А вы чему так улыбаетесь?

Шейранов даже не понял, что сидевшая напротив него девушка громким голосом адресует вопрос именно к нему. Он даже в недоумении указал на себя. Мол, это вы мне?

– Да, да, именно вы, сударь. Как вы смеете насмехаться над героями войны? – Девушка уже едва не кричала, вскочив со своего стула и обличительно указывая на него своим изящным пальчиком.

Только теперь до него дошло, что он действительно улыбался. Причем улыбка его скорее всего была далеко не доброй. Ну хотя бы потому, что в отличие от окружающих, выразивших откровенное восхищение действиями полковника и русского воинства в целом, им владели черные мысли. Нда. Нужно было уходить сразу же после того, как рядом с ним расположилась эта шумная компания с гвардейским полковником.

– Прошу прощения, сударыня, но моя улыбка вовсе не была адресована героям, проливающим свою кровь на полях сражений, – тихо ответил Шейранов, убирая салфетку и подзывая официанта.

Лучше бы ему убраться, пока дело не дошло до скандала. Эта патриотически настроенная дуреха вполне способна довести до подобного. Вон как возбудилась, ни взгляды папеньки, ни одергивания маменьки на нее никак не действуют. Но как ни тихо он это произнес, в наступившей тишине его слова прозвучали весьма отчетливо.

² Полковник рассказывает о бое при Краупишкене, кампании 1914 года.

– Сударь, не поделитесь ли с нами, что именно вас рассмешило? Быть может, мы захотим составить вам компанию.

Неужели поздно? Вон полковник, которому едва лет тридцать пять, уже поднимается со своего места. Такой не спустит, трусость не по его части. Кто бы сомневался. Нужно быть очень храбрым, чтобы нестись в рост на бьющую по тебе батарею. Да еще и увлечь за собой в эту убийственную атаку своих подчиненных.

– Господин полковник, вы ищете ссоры? – Не желая сидеть, когда над ним нависает высокий и худой, как жердь, вояка, Шестаков поднялся и посмотрел ему прямо в глаза.

А что? Это в прошлый раз Шейранов был в теле невысокого и худощавого подпоручика. В этот раз с габаритами все в порядке. Настолько, что пришлось помучиться, прежде чем тело перестало быть инородным. Не косая сажень в плечах, но высок и достаточно крепок, а потому сейчас смотрел прямо в гневные глаза гвардейского офицера.

– Я желаю получить ответ на мой вопрос, и я его получу, – жестко ответил полковник.

– Хорошо. Скажите, пожалуйста, сколько человек погибло в первом же бою при Сталлупенене? Если верить нашим газетам, заметьте, нашим, а не германским, более полусотни офицеров и около шести тысяч нижних чинов. Немцы потеряли что-то около полутора тысяч и отошли в полном порядке. В бою под Краупишкеном, по данным газетчиков, мы также понесли большие потери. Впрочем, к чему нам газетчики. Ведь вы сами там были. Сколько мы потеряли, господин полковник?

– Сорок шесть офицеров и триста двадцать девять нижних чинов, – гордо подняв голову и обведя взглядом притихший зал, произнес полковник.

– То есть вы считаете, что нашему командованию и вам, как человеку, возглавившему убийственную атаку, есть чем гордиться?

– Что вы себе позволяете? – Полковник налился кровью.

– Я ничего себе не позволял, помалкивая в сторонке. Это вам стало интересно мое мнение, которое я, смею заметить, держал при себе. Вы хотели меня слышать, так слушайте или позвольте откланяться.

– Х-хорошо, говорите, – выдавил из себя полковник.

– Вы гордитесь тем, что положили в сырую землю шесть с половиной тысяч верных и храбрых сынов России. Лучшие и достойнейшие служат в гвардии, коих упокоили четыре сотни всего лишь в одной атаке. Такова природа человеческая, лучшие всегда первыми поднимаются в атаку и первыми же ловят грудью свинец. Согласно нашим газетам, сотни заслуженных гвардейских унтеров из запаса отправились на фронт добровольцами и, поскольку унтерских должностей не доставало, записывались рядовыми, лишь бы быть в строю, рядом со своими товарищами. Это элита. Подготовленные младшие командиры. Те, кто должен делиться своим опытом и учить молодежь. И их бездумно – под пулеметы. Подумайте на досуге, господин полковник, с кем вы останетесь, когда положите в землю лучших сынов отечества. А что до офицеров... Насколько мне известно, соотношение офицеров и нижних чинов приходится в среднем где-то один к сорока. При таком соотношении, следуя обычной логике, в бою при Краупишкене должно было погибнуть от шести до десяти офицеров, на деле же в шесть или в десять раз больше. И гордиться тут нечем, потому что господа офицеры, забыв о подчиненных, за которых несут ответственность как по закону, так и перед Господом, увлеклись личной лихостью и бравადой.

– То есть вы предлагаете быстренько замирииться с немцами? Я правильно вас понимаю? – вздернул бровь полковник.

– Неправильно. Идти на мир с германцами нельзя. В этом случае Франция не продержится долго, а там и вся Европа окажется под пятой Германии, после чего кайзер повернет армию против нас. В этом у меня нет сомнений. Но и так, как воюет сейчас наша армия, воевать

нельзя. Один мой знакомый, может быть, и не такой храбрый, как вы, господин полковник, сказал очень умные слова – офицер должен думать, а не шашкой махать.

– Господа, да это германский провокатор, – вдруг раздался чей-то визгливый голос.

Нда. И что дальше? Зато высказался от души. Лучше бы молча расплатился и ушел. А деньги ведь сэкономил. Никто и не подумал брать плату за ужин с продажной твари. Зато били его все вместе. И вдумчиво били. Правда, Врангель, а этот полковник был именно им, из газет Шейранов прекрасно знал, кто так отличился в деле при Краупишкене, пытался урезонить толпу. Да куда там. Кормить вшей в окопах – это мимо господ, присутствовавших в зале. А вот в патриотическом порыве приложиться от души к заклеяемому провокатором, это всегда пожалуйста. Тем более когда этот бедолага и не поймет, кто именно его дубасил.

Да ладно, чего уж там, выпросил и получил то, чего хотел. Но ведь сволочь администратор гостиницы на этом не успокоился. Тоже патриот нашелся. Вызвал городских и передал провокатора для разбирательства. Те, в свою очередь, препроводили в контрразведку. Шпионы вроде бы по ее части.

– Как себя чувствуете, господин провокатор? – задорно улыбнувшись, поинтересовался капитан контрразведчик, когда Шейранова завели в довольно просторный кабинет, залитый утренним светом сквозь два высоких окна.

– Вам это действительно интересно, господин капитан?

– Разумеется, – серьезно ответил офицер.

– Ощущение такое, что по мне пробежало стадо слонов.

– Может быть, вам нужен доктор?

– Благодарю, но в этом нет необходимости. Слава богу, они мне ничего не сломали, остальное и так пройдет. Разве только зуб выбили. Сволочи.

– Ну а вы как хотели? Пришли на благотворительный ужин, где собралась патриотически настроенная публика, и повели совсем не патриотические разговоры.

– Я сидел молча и никого не трогал, пока эта экзальтированная идиотка не подняла шум, а гвардейский полковник не вынудил ответить на его вопрос. Уж извините, не знал, что в России нельзя дураков называть дураками.

– Не всех дураков можно называть поименно.

– Знаю. Поэтому не назвал ни одного имени и даже не намекнул на высшее командование, упомянув только один эпизод. А ведь стоило бы вспомнить о нашем генералитете. Сколько русских солдат легло в Мазурских болотах? Такое впечатление, что японская война никого и ничему не научила.

– Ну, если вы такой умный, отчего же тогда не отправитесь на фронт?

– И что будет зависеть от такого добровольца, как я?

– Спасете хоть одну жизнь и уже останетесь правы, хотя бы в своих собственных глазах. А там, кто знает. Война, она способствует росту карьеры, глядишь, тогда от вас будет зависеть и побольше. Тот же барон Врангель из ротмистров шагнул в полковники. И уверяю вас, знакомства и связи тут ни при чем.

– Спасибо, я учту ваше мнение, если меня не расстреляют в самое ближайшее будущее.

– Помилуйте, да с чего же?

– Ну как же. Провокатор, а время нынче военное.

– Угу. Да если мы будем судить и расстреливать всех только за то, что они высказали свое мнение, а по молодости увлекались в политических кружках, то в России и образованных людей-то не осталось бы.

– Вот даже как. И это успели раскопать.

– А чего тут копать. Жандармское управление рядом, архивы у них под рукой, время военное, и запросы контрразведки являются первоочередными.

– И что меня ожидает?

– Что вас ожидает, я не знаю, потому как не ясновидящий. А вот кто, знаю. Одна дама, которая провела в управлении всю ночь и не намерена его покидать, пока вас не выпустят.

– То есть вы меня отпускаете?

– В принципе всю исчерпывающую информацию мы получили еще ночью, но у дежурного офицера не было полномочий для принятия этого решения. Кстати, в вашу защиту выступил и барон Врангель. Мало того, он сам явился к нам, как только узнал, куда вас препроводили.

– Странно. Мне показалось, что он готов был меня убить на месте.

– И вы недалеко от истины. Но и не признать вашу правоту он также не мог.

– Что же. Значит, не безнадежен. А кто эта дама, которая меня дожидается?

– А вот с этим разбирайтесь сами. Вот подпишите здесь и здесь. По поводу нанесения вам телесных повреждений – это вам в полицейский участок. Хотя...

– Вы не советуете?

– Просто зря потратите время. Там ведь тоже патриоты.

– Понятно. Нет, в полицию я не пойду.

– Ну, это вам решать. Пожалуйста, это ваш пропуск. И на будущее. В следующий раз думайте, прежде чем о чем-то говорить.

Простившись с капитаном, Шестаков вышел из кабинета в широкий и благодаря большим окнам в торцах светлый коридор. Оказавшись в нем, он повернул направо, насколько он помнил, выход должен был находиться где-то там. В управлении было многолюдно. По коридору постоянно сновали военные и гражданские, впрочем, возможно, тоже офицеры, просто одеты в гражданское.

Ожидавшая его дама обнаружилась у проходной, неподалеку от стойки, за которой сидел дежурный офицер. Надо же. Вот уж кого не ожидал увидеть, так это ее. Насколько ему было известно, она вышла замуж за какого-то инженера и даже была счастлива в браке. Вернее, известно было не Шейранову, а Шестакову.

К черту это раздвоение личности! Пора становиться Шестаковым полностью и безраздельно. В конце концов, этому упырю он воли давать не собирается, а потому и второго «я» нет и в помине. Есть его воспоминания, и не более.

– Ирина?

– Иван. – Она быстро поднялась, но замерла, не решаясь преступить грань, за которую без пропуска не пройти.

Шестаков вручил бумажный квадратик дежурному и вышел к ней сам. Все так же стройна и статна, что лишний раз подчеркивает пальто с лисьим воротником. Нда. Не сказать, что живут богато. С другой стороны, какая разница, если в семье тепло и уют. Но как видно, старая любовь не ржавеет. А иначе что бы она тут делала?

– Ты как? – обегая его беспокойным взглядом, поинтересовалась она.

– Нормально. Пошли отсюда.

– Пойдем.

На улице было солнечное морозное утро. Погода такая, что так и подмывало прогуляться. Вот только не в том виде, что был у Шестакова. Правда, пальто и шапке не досталось, они ведь были в гардеробе, когда его били. Но зато плачевное состояние брюк и обуви скрыть было трудно. Как, впрочем, не спрятать и изрядно помятое лицо.

Он с сожалением осмотрелся вокруг. Справа от него Дворцовая площадь с Александровской колонной. Напротив – Зимний дворец. Отчего-то выкрашен не в бирюзовый, а в красный цвет. Словно предвещает кровавый этап истории государства.

Он бы определенно прогулялся по городу. Интересно ведь. Однако вместо этого решил как можно быстрее убраться с улиц и привести себя в порядок. Извозчик нашелся сразу же – центр города, да еще и в такую хорошую погоду. Несмотря на довольно ранний час, народу на улице предостаточно. Солнышко расстаралось.

– Боброва, как ты здесь оказалась? – когда они наконец устроились в санях и назвали адрес, поинтересовался Шестаков у женщины.

– А я была на том благотворительном ужине. Не одна, конечно. Мне такой ужин не по карману. Меня с собой взяли моя сестра и ее муж. Но я все же вношу посильный вклад в обществах вспомоществования, – тут же поспешила уточнить она. – А еще пошла на курсы сестер милосердия. Мне обещали место в госпитале.

– Не понимаю. Зачем тебе это? Где та курсистка, которая с таким жаром и пылом поддерживала написание поздравительного письма японскому императору в связи с победой японского флота в Цусимском бою? Ты ведь одной из первых поставила свою подпись под этим письмом.

– Время течет, все меняется, и мы тоже. Тогда я этому радовалась, а потом посмотрела на происходящее с другой стороны.

– После того, как я тебя бросил?

– Не бросил, а стяжательству и мешанству предпочел революцию, оставаясь преданным одной только ей. Кажется, так ты тогда заявил.

– Именно. Нда. Дураком я тогда был редкостным.

– Вот и я умом не блистала. Полностью разделяя твои взгляды, я все же побоялась окунуться в революцию с головой. Одно дело восторженно выкрикивать лозунги, и совсем другое – нести ответственность по всей строгости закона. Одного посещения охранного отделения с меня хватило. А потом я встретила Виктора. Так что теперь я не Боброва, а Знаменская. Не знаю, любила ли я его. Скорее уважала и старалась быть ему хорошей женой. Он воевал в Порт-Артуре, перенес два ранения и плен. Как понимаешь, я не могла не пересмотреть свое отношение к той войне и к революции пятого года, когда мы сами, собственными руками ударили в спину нашим солдатам. Пусть та война была несправедливой, но мы предали нашу армию. И потом... Отчего у других держав имеются свои геополитические интересы, а нам, русским, их иметь нельзя?

– Вот как ты заговорила. Да, ты действительно сильно изменилась.

– Ты тоже. Я видела тебя там, в «Европейской». В твоем голосе не было злорадства, только злость и обида, а значит, ты искренне переживаешь происходящее.

– Ну что же тут скрывать. Я изменился и прекрасно это сознаю. Слушай, а почему ты о муже в прошедшем времени? Он?..

– Два месяца назад я получила извещение о его гибели. Он не смог остаться в стороне, потому что был убежден так же, как ты, что России пришлось бы воевать в любом случае, сейчас вместе с союзниками или потом, в одиночку.

– Прости.

– Ничего, я уже все слезы выплакала, – дрогнувшим голосом ответила она.

– Дети?

– Сын и дочь шести и пяти лет. Назначенной пенсии вполне достаточно, чтобы прожить, но война... Из-за нее начали расти цены, и денег уже не хватает. В госпитале, конечно, платят не такие уж большие деньги, но зато есть паек. Да и не могу я сидеть без дела, зная, что раненым нужна помощь. Во второй раз я им в спину не ударю.

– Я тебя понял. Похоже, приехали? – осматриваясь в остановившихся санях, произнес он.

– Да. Это мой дом. Зайдешь?

– Кхм.

– Пошли, Ваня. Настя приведет в порядок твой костюм и заштопает, если надо. Она у меня мастерица на все руки.

– Ладно, уговорила.

Расплатившись с извозчиком, он решительно шагнул за своей бывшей возлюбленной. Как там у них сложится дальше, бог весть. Жизнь, она такая, любит подносить сюрпризы. Но

привести костюм в порядок и впрямь не помешает. Да и позавтракать тоже. А у Ирины есть служанка, значит, и поесть найдется, не то что в его квартирке.

– А как ты оказалась в контрразведке? – поднимаясь по лестнице, поинтересовался Иван.

– Я случайно узнала, что тот гвардейский полковник собирается ехать тебя вызволять, вот и увязалась за ним. Там нас опросили и отпустили, но я решила, что никуда не уйду, пока тебя не отпустят, – остановившись и посмотрев прямо ему в глаза, ответила женщина.

– И к чему такие крайности? – все же несколько смутившись, произнес Шестаков.

– Я боялась снова тебя потерять, Ванечка.

Глава 3. Странный прапорщик

– Отставить! Отставить, йожики курносые. Я приказал в полный контакт. А это что за танцы с лебедями? Вы кого обмануть хотите? Меня? Дурачье стоеросовое, да вы не меня обманываете, а себя. Что за поддавки вы тут устроили? Бьете половчее, чтобы напарнику было удобнее отбиваться. Становитесь так, чтобы проще было бросить, да еще и сами уходите в пережат. Учю вас, идиотов, учю, а вы все схалтурить норовите. Лень обуяла? Так ведь германец и австрияк поддаваться не будут. Вот где лень-то ваша вылезет боком, вот когда поймете, что товарищ вам не помогал, а могилу вашу рыл.

Шестаков обвел гневным взглядом каждого из двенадцати присутствующих в сарае солдат. Каждому заглянул в глаза, да так пристально, что те, не выдерживая, опускали взор. Либо, как их учили, начинали смотреть на кокарду воображаемой фуражки, которой сейчас на господине прапорщике не было и в помине. Вот, значит, как. Эдакий молчаливый демарш.

В принципе есть от чего. Во всем учебном батальоне так не доставалось новобранцам, как этому отделению. Ну да им это только на пользу. После положенных часов строевой подготовки, коей занимался старший унтер, командовавший взводом, потом за них брался их благородие. Да так брался, что беднягам небо с овчинку казалось. Каждое утро пробежка по пять верст, причем снегопад, вьюга, солнце – без разницы, отдай с утра пять верст и не грехи. Разве только в субботу по-иному. В этот день десять верст вынь и положь.

Помимо этого учил он их и разным приемам борьбы. Интересно учил. И за это ему, пожалуй, другие издевательства очень даже прощались. Но это только поначалу. За прошедший месяц они успели изрядно вымотаться. И никакие «трудно в учении, легко в бою» их уже взбодрить не могли. А тут еще и заставляет друг друга дубасить от души. Изверг, одно слово.

– Отделение, слушай мою команду! Нападай на меня по очереди. Как только свалился один, так и нападай. Как хотите, так и действуйте, хотите с лопаткой, хотите со штыком или ножом, хочется, так с оскаленными зубами. Но нападайте так, как будто перед вами вражина. Со всей злостью, ненавистью и силой нападайте. Забудьте, что я благородие и ваш командир. Нет его сейчас. И учтите, я вас жалеть не буду. Унтер, ты первый.

Младший унтер, мужчина за тридцать, как-то неловко перебросил из руки в руку учебную лопатку, выструганную из доски под нужные габариты и обмотанную тряпьем. Шестаков не собирался никого калечить, а потому все «оружие» имело какое-никакое предохранительное покрытие. Унтер приблизился к командиру и, сделав ложный выпад, изменил траекторию, нанося боковой удар.

Обычно в такой ситуации противник старается разорвать дистанцию, выждать удобный момент, дожидаться ошибки атакующего, после чего стремительно контратаковать. Однако Шестаков поступил иначе. Вместо этого он сразу же пошел на сближение, блокируя атаку уже тем, что значительно сократил дистанцию, на которую она была рассчитана. И несмотря на то что он этому и учил своих бойцов, унтер не успел ничего предпринять, за что и поплатился.

Удар в горло, тут же в солнечное сплетение, и, когда его переломило коленом в лицо, страдалец отлетел от прапорщика, как тряпичная кукла. Не сказать, что их благородие такой уж богатырь, но высок, крепок и широк в кости, а потому вышло все очень даже впечатляюще. Да еще и унтер лежит на соломе, что подстелена в сарае, сучит ногами и хрипит.

– Ну, чего замерли, йожики курносые. Репин, разомни унтеру горло, как я учил. Следующий, нападай.

Быстро глянув по сторонам и нервно сглотнув, рядовой Бирюков перехватил поудобнее палку с тряпьем на концах, что имитировала винтовку со штыком, и ринулся в атаку. Рьяно так, но все одно с опаской зашибить их благородие. Те самые поддавки, про которые и говорил прапорщик. Ну да никто тебе не виноват.

Легкий поворот тела, одновременно левое предплечье отводит в сторону «штык». Продолжая крутиться вокруг своей оси, Шестаков пропустил нападающего мимо себя и нанес ему сильный удар в основание шеи, отчего солдат сразу же рухнул на землю. Но сегодня у их благородия не то настроение, чтобы ограничиваться полумерами. Удар ногой в живот, без намека на жалость, от чего Бирюкова скрутило в рогалик. Не-эт, это еще не все. Подъемом стопы в лицо, да так, что юшка разлетелась алыми брызгами. Вот теперь порядок.

Ага. Следующий уже пошел сам, с отчаянным «А-а-а!» и опять же со штыком. «Оружие» уже практически коснулось офицера, когда тот слегка сместился в сторону и, схватив «винтовку», дернул ее вперед и вверх, одновременно подбивая опорную ногу нападавшего. Мгновение, и тот лежит на спине, выпустив «оружие», которое оказалось в руках прапорщика. Удар «прикладом» в лицо и практически сразу, напрочь выбивая дух, «штыком» в солнышко...

Солдаты ползали по соломе, кряхтя и постанывая. Унтер привалился к стене, разминая горло и тихо покашливая. Шестаков стоял посреди этого погрома, глубоко дыша и высоко вздымая грудь. Не сказать, что эта схватка далась ему легко, все же многовато противников, но, с другой стороны, он так и не получил ни одного удара. Учитывая, что уже третий боец пошел в атаку с отчаянной решимостью и действовал очень даже серьезно, это отличный показатель. И уж тем более в качестве наглядной демонстрации.

– Каждый из вас труп. Уже через час ваши тела проморозит до косточки, ни мамка, ни женка, ни детки вас больше не увидят. Избежать фронта и штыковой у вас не получится, потому что иначе военно-полевой суд или пулеметная очередь в спину за трусость³. Но вы не просто умрете. Умереть на войне несложно. Но из-за того, что вы допустите свою смерть, вы не сможете помочь вашему товарищу, которого также убьют. Если вы думаете, что вы будете воевать за веру, царя и Отечество, то вы глубоко ошибаетесь. Вам предстоит воевать за себя, за своих товарищей, которые вместе с вами кормят вшей. И вот их-то вы и подведете. Позволив так просто убить себя, вы подставите под удар их спины.

Шестаков вновь осмотрел всех и удовлетворенно отметил, что в глазах солдат появилось понимание. Насчет чувства товарищества дошло только до пятерых. Двух фронтовиков, в том числе и унтера, они возвращались в строй после госпиталя. И троих вольноопределяющихся, молодых девятнадцатилетних выюношей со взором горящим. Но зато во взгляде остальных появилась злость. Неплохой стимул для продолжения обучения.

– Ну, чего разлеглись, как бабы беременные! Встать! Разбились на пары и работать в полный контакт. Увижу, что кто-то халтурит, приложусь лично. И учтите, бить буду хотя и аккуратно, но вдумчиво и от души.

Занятия продолжились, и на этот раз дело пошло более споро. Правда, той остервенелости, с которой прикладывался Шестаков, у солдат не наблюдалось, но зато и халтурить перестали. Хотя и никаких сомнений, костерят его сейчас от души все, начиная с унтера и заканчивая вольноопределяющимися. Последние вообще-то в армии на особом положении. Еще четверо в их учебном батальоне чувствуют себя вполне вольготно. Систематически бывают в увольнениях, красуясь в форме перед киевскими барышнями, неизменно пользуясь у них успехом. А вот этим достается на орехи, и ничего с этим не поделать.

Господин капитан словно и не замечает, что творится у него под носом. Более того, именно это отделение уже должно было отправиться на фронт для восполнения потерь в Сорок седьмом Украинском. Но в состав маршевой роты их не включили, оставив при учебном батальоне. И господин прапорщик должен был отбыть на фронт, потому как не входил в штат учебного батальона, а на фронте офицеров не хватало. Но ничего подобного. И отделение продолжало изнывать на вечных учениях, и прапорщик не торопился на фронт...

³ Как таковых заградотрядов не существовало, но на фронтах Первой мировой расстрел бегущих вовсе не был редкостью. Сам Брусиллов отдавал приказ по своей армии о расстреле трусов и малодушных.

А началось все чуть больше месяца назад. Шейранову задал в душу тот разговор с капитаном-контрразведчиком. Ну как он может помешать свершиться Великой Октябрьской социалистической революции? Да никак. Нет у него для этого ни средств, ни возможностей, ни людей. А главное – нет времени, чтобы набрать кадры и потом противостоять большевикам. Ему нужна своя команда из преданных единомышленников. Ну и где ее взять, да еще в столь сжатые сроки?

Вот этот-то ответ и подсказал ему контрразведчик. На фронте. Шейранов по собственному опыту знал, насколько сближает война. Вот там-то и стоит собирать команду тех, кто будет готов за ним и в огонь, и в воду. Обучить их как следует, используя весь имевшийся у него опыт, вдобавок заимствовать полезное у других. Вот только не бросать бездумно в штыковую, а тишком за линию фронта. Набедукурили там – и обратно.

В этом случае, даже при том, что придется шастать за передовую, потери можно снизить до минимума. Штыковая – это дело непредсказуемое, где от твоих личных боевых качеств мало что зависит. Можно ведь и не дойти до соприкосновения с противником, попав под пулеметную очередь или получив осколок.

Ну да, он собирался сколотить диверсионное подразделение с серьезным боевым опытом и навыками действий на территории противника. Зачем? Да затем, что Шейранов не видел, как сможет он иначе противостоять большевикам. А уж того, как предотвратить обе революции, вообще даже не представлял. Конечно, можно говорить о немецком следе и о финансировании Ленина германским Генеральным штабом. И это будет правдой. Но с другой стороны, предпосылки для антиправительственных выступлений в России весьма серьезные. И подтверждением тому – революция пятого года.

Так что остановить ни Февральскую революцию, ни Октябрьскую он не сможет. Это факт. А вот после... После он очень даже может наворотить таких дел, что большевики попросту не удержатся. А учитывая то обстоятельство, что красный террор – это их конек, и жертв будет поменьше, и гражданская война не продлится так долго. А в результате – не такая серьезная разруха, как это было в его слое. Ну и возможно, удастся избежать голода и эпидемий.

Как он этого добьется? А очень просто. Ликвидирует всю дьявольскую верхушку большевиков. Это сейчас их найти трудно, придется бегать по всей Европе и России с высунутым языком. А после переворота они все будут как на ладони. Так что с ними можно будет разобрататься уже в первую пару месяцев. Тут главное – иметь под рукой несколько десятков верных бойцов, которые бы верили тебе, как себе. Да еще и способных действовать намного более умело, чем какая-то там Каплан или группа офицеров, пытавшихся убить Ленина в проезжающем мимо автомобиле.

Ну и куда он мог податься с такими мыслями? Разумеется, к Брусилову. Нет, очень может быть, что это далеко не единственный дельный генерал в царской армии. Во всяком случае, в этом слое. Шейранов наслушался самых противоречивых мнений. И потом, если тупой рубака Врангель, положивший чуть не половину эскадрона в лобовой атаке, здесь является образчиком...

О Брусилове писали даже в советских учебниках истории. Опять же при упоминании Первой мировой войны у Шейранова сразу же всплывают три события – разгром немцев в Восточной Пруссии, взятие крепости Перемышль и Брусиловский прорыв. Кстати, уже здесь он узнал, что крепость оказалась в окружении опять же благодаря решительным и умелым действиям Восьмой армии генерала от кавалерии Брусилова.

Сомнительно, чтобы деятельный и умный командующий не оценил задумку молодого офицера и не поддержал его. Вот только подать это нужно будет живым примером. Так, чтобы результат был виден сразу. И тогда уж можно будет сколачивать команду, практически не таясь и при полной поддержке командующего. А это уже серьезно. Очень серьезно.

Именно по этой причине Шейранов вернулся в Киев, где квартировал раньше корпус Брусилова, впоследствии развернутый в армию. Здесь же находились учебные батальоны нескольких полков Восьмой армии. Правда, сначала пришлось выправить необходимые документы, чтобы получить звание прапорщика без проволочек, с необходимостью поступать на службу вольноопределяющимся. Терять несколько месяцев решительно не хотелось. Опять же эдак под пулеметами можно и не дожить до офицерских погон и получения относительной свободы.

Призваться в нужный полк оказалось не так сложно и не так уж дорого. В конце концов, он не отлынивал от службы, а стремился на фронт. Едва оказавшись в расположении запасного батальона, он тут же наладил контакт с командиром и приступил к набору своей команды. Вернее, тех, кому предстояло стать ее костяком.

Выбирать пришлось тщательно, даже несмотря на то что в тот момент в батальоне было довольно много выписавшихся из госпиталя фронтовиков. Вроде бы уже обстрелянные, но ведь это не самый главный показатель. Проверил состояние здоровья, больше половины были не оправившимися до конца. Конечно, за месяц в запасном батальоне еще придут в себя, но, по планам Шестакова, за это время им следовало кое-чему научиться. Так что таких он отсеял сразу.

Оставшихся загнал на стрельбище. Из общего числа отобрал только шестерых, показавших хорошую стрельбу. Далее погнал народ на пробежку, только двое сумели пробежать пять верст. Задатки есть, остальному будет учить и переучивать.

Затем Шейранов-Шестаков взялся за вольноопределяющихся. В патриотическом порыве молодежь бросала учебу в университетах и спешила в воинские присутствия записываться добровольцами. Вот на троих таких молодых людях он и остановил свой выбор. По критериям стрельбы и физической подготовки они прошли едва-едва, как говорится, впритирку. Но эти ребята были ему нужны, потому что в совершенстве владели немецким. Остальному придется учить.

Оставшихся семерых добирал уже из зеленого пополнения, намеренно делая ставку на самых молодых. С молодыми куда проще, они более рискованные и отчаянные, потому как ветер в голове, и то, что здесь призывали в двадцатидвухлетнем возрасте, ничего не меняло.

Сформировав таким образом отделение, Шестаков начал планомерно и методично над ними издеваться, при этом не делая никаких скидок и себе любимому. Все утренние пробежки и субботние марш-броски с полной выкладкой проходили с обязательным его участием без какого-либо намека на халтуру.

Кроме того, за каждым из вольноопределяющихся были закреплены трое солдат, которых они должны были обучать грамоте и немецкому языку. Разумеется, Шестаков не был настолько наивным, чтобы полагать, что в головы вчерашних крестьян и рабочих удастся вложить знание языка. Но этого и не требовалось. Достаточно, чтобы у них отскакивал от зубов десяток фраз, ну и чтобы они хотя бы отдаленно понимали, о чем с ними говорят. Этот этап для солдат, пожалуй, был самым трудным, но это было необходимо.

Глядя на то, как мучается отделение, в запасном батальоне их прозвали чертовой дюжиной. Отчего так? Да потому что никто из посторонних и не думал отделять от них странного прапорщика. Иван подозревал, что прозвище к ним прилепил командир роты, капитан Верницкий...

– Закончить занятия! – посмотрев на часы, приказал Шестаков.

Младший унтер Рябов тут же построил личный состав, сверкающий синяками и ссадинами, как новогодняя елка. По большей части это была работа прапорщика, потому как сами солдаты в раж не впадали. Может быть, перестарался? По идее все в пределах нормы. Ведь никому ничего не сломал.

– Вольно. Рябов, веди отделение на обед. Стрельбище на сегодня отменяется, прибыли совсем зеленые, поэтому винтовки заняты. Все оставшееся время до ужина занятия языком. Господа вольноопределяющиеся, обращаю ваше особое внимание на то, чтобы во время занятий общаться в основном на немецком. Все. Командуй, унтер!

Покончив на сегодня с занятиями, Шестаков покинул сарай, в котором раньше хранилось сено для лошадей полка. Сейчас с лошадьми дело обстоит намного скромнее, а потому и в больших запасах сена нет никакой необходимости. А учитывая то обстоятельство, что полк выступил уже после того, как сено было заготовлено, и уж точно не вернется сюда этой зимой, корма чудесным образом испарились.

Нет, по бумагам все чин чинном, прохудилась крыша, и сено сопрело. Акт, комиссия. Но на деле... Вообще-то сумма так себе, мелочовка, но командир запасного батальона и не подумал ею пренебрегать. Впрочем, Шестаков только обрадовался подобному подходу со стороны командования. С таким договориться оказалось куда проще и обошлось не так дорого, как могло показаться на первый взгляд.

Кстати, буквально сегодня поутру господин подполковник получил свою долю за отсрочку в отправке на фронт «чертовой дюжины». Впрочем, также и за то, что не обращает внимания на кое-какие мелочные отступления в боевой подготовке нижних чинов. В конце концов, тут и готовить-то их практически не готовили. Попросту нечем.

Всего полсотни винтовок на весь батальон, шестнадцать из которых постоянно находятся в карауле и покидают караульное помещение, только отправляясь с часовыми на пост. Оставшиеся предназначались для всего батальона, на секундочку – почти тысячу человек. Большая часть из них новобранцы, которые винтовку увидели впервые в жизни. А удастся им выстрелить из этих винтовок только по пять раз. Все – солдат к отправке на фронт готов.

Вся остальная подготовка сводилась к изучению уставов и к строевой. Даже под ружье солдат ставили с чудом унтерской самодельной мысли, имеющим сходство с винтовкой весьма приблизительное, зато выверенное по весу до последнего золотника.

Глядя на весь этот бардак, Шестаков вовсе не был удивлен тем, что русская армия сдавалась в плен батальонами и полками. Впрочем, у тех же немцев с боевой подготовкой, обеспечением и порядком все обстоит гораздо лучше, но и с их стороны в плен сдаются ничуть не меньше. Австрийцев так, пожалуй, даже и больше. Очень может быть, что он чего-то не понимает, а может, причина в том, что война эта непопулярна ни в одной из стран.

Еще одно немаловажное лицо в плане обеспечения спокойной жизни – командир роты. Отметиться у батальонного командира и не уважить ротного – это моветон. Лишнее, в общем. Хотя, чтобы уважить его, – в месяц приходится выкладывать пару сотен. А вкупе со всем остальным так сумма и вовсе выходит неприличная.

– Странный вы все же человек, Иван Викентьевич, – без малейшего смущения убирая в карман две «катеньки», произнес капитан. – Кабы вы расставались с деньгами ради того, чтобы не попасть на фронт, я вас понял бы. Я сам фронтовик, и вскорости, думаю, на мое место найдется кто-нибудь из госпиталя, а меня снова отправят в окопы. Так что понять, отчего не хочется на фронт, я могу. Но вы платите только за незначительную отсрочку. Два месяца – это все, о чем вы просите. Да еще и интенданта подмазываете, чтобы раздобыть патронов для стрельбы с вашими молодцами. Может быть, просветите, чего я не понимаю?

– А что тут непонятного. Воевать я хочу и считаю это своим долгом. Но также хочу остаться в живых. И для этого совсем не помешает иметь рядом отделение из подготовленных бойцов, а не пушечное мясо.

– Отчего же только отделение, а не взвод?

– Во-первых, отделение можно выучить гораздо качественнее. Во-вторых, это намного дешевле. В-третьих, из каждого моего рядового получится готовый унтер, и, когда я получу свою роту, они быстренько доведут ее до нужной кондиции. Конечно, мне не помешал бы

дополнительный месяц, но думаю, что лучше не злоупотреблять ситуацией, не то вместо исполнения долга на фронте можно угодить и под трибунал.

– А вот об этом говорить лишнее. Не накликали бы.

– Не буду. Разрешите идти?

– Идите, чего уж.

Относительная свобода офицеров в русской армии обеспечивалась благодаря унтер-офицерам. Так, по штату в роте числились четыре офицера, капитан, командир роты, штабс-капитан, заместитель командира роты и два поручика или подпоручика, на случай войны это могли быть прапорщики. Двое младших офицеров не имели личного состава в непосредственном подчинении. Разве только денщика, не входившего в состав взвода. Они вступали в командование конкретным подразделением по приказу командира роты для выполнения конкретной же задачи. Это могли быть и два взвода, а могло быть и лишь одно отделение.

Благодаря особым взаимоотношениям с командиром роты Шестаков не просто пользовался относительной свободой, но и вообще мог располагать собой по собственному усмотрению. Впрочем, он не злоупотреблял этим, постоянно находясь в части и занимаясь с личным составом. Занятий хватало.

Кроме вышперечисленного, отделение овладевало навыками оказания первой медицинской помощи, ориентированием на местности, учились пользоваться средствами связи. В частности, досконально изучали трофейный немецкий полевой телефон. Оторвал с мясом у интендантов, целых три штуки, очень уж ему пришлось по душе компактные размеры аппарата.

Словом, забот хватало. Он бы и сегодня не покинул территорию части. Время только обеденное, и до вечера можно было бы успеть многое. Но тут уж все одно к одному. Винтовки заняты другими. Пока не отстреляется каждый из новобранцев, нечего и мечтать до них добраться.

Капитан не зря упоминал о фронте, он и впрямь был не плох на своем месте, во всяком случае, в сравнении с другими. Но что он мог поделать при такой катастрофической нехватке оружия. Хорошо хоть каждый из его солдат расстреливал хотя бы по пять патронов.

Ну а кроме того, раз посещение стрельбища сорвалось, у Шестакова было кое-какое дельце в городе, причем именно сегодня. Удачно совпало, чего уж там. Но зато, если торгаш не подведет, уже завтра интенсивность боевой подготовки его преторианцев перейдет на новый уровень.

До оружейной лавки он добрался довольно быстро и, только когда отпустил извозчика, вдруг услышал урчание в животе. Угу. Бойцов отправил на обед, а у самого кишка кишке кукиш кажет. Ничего удивительного, поскольку ему наравне со всеми приходилось выкладываться на занятиях. Да и сегодня, одним только жестким уроком его участие не ограничилось. Ну а затраченные калории требовали восстановления.

Ну да чего теперь-то, когда он уже в паре шагов от двери лавки. Ее посещение не должно занять слишком много времени, а там можно будет и пообедать. Правда, придется потерпеть еще около часа. Ирина сегодня не на дежурстве и непременно обрадуется тому, что он обедает не в части или в каком-либо заведении, а дома. Она, конечно, с пониманием относится к его службе и к тому, что он возвращается подчас очень поздно, поэтому и квартиру сняли на окраине Киева, неподалеку от части.

Так уж случилось, что после той нечаянной встречи она боялась его отпускать. Ну а он... А что он? В конце концов, какому мужчине не хочется, чтобы о нем заботились и уж тем более делали это с любовью. Никаких угрызений совести по этому поводу Шейранов не испытывал. С чего бы, если в это тяжелое время он поддержал и оказал материальную поддержку и ей, и ее детям.

Кстати, Ирина уже окончила курсы и поступила на службу в госпиталь. Правда, не в Петрограде, а в Киеве, и на сверхштатную должность, то есть неоплачиваемую. Как это ни удиви-

тельно звучит, но она вовсе не была исключением. Многие представительницы знати поступали так же, не уступая штатным сестрам милосердия ни в прилежности, ни в исполнительности.

Шестаков вовсе не был против ее работы в госпитале. В конце концов, с деньгами у них было все более или менее стабильно. Она получала пенсию по героически погибшему мужу, плюс к этому он решил все же отторгнуть от имевшейся у него суммы десять тысяч и, переведя их в золото, передал ей. Правда, настоятельно советовал не вкладывать ни в какие акции, а просто держать в сейфе сберегательной кассы и тратить по мере надобности.

Зная о том, что вскоре произойдет революция, он пока не представлял, как можно распорядиться деньгами. Но когда придет время, он обязательно что-нибудь придумает. Да, он ее использовал, не собираясь связывать с ней свою жизнь. Но, что бы там ни решили Перегудов и Воркутинский сделать с его напарниками-террористами, оставлять в живых своего подопечного Шейранов не собирался. Но и бросать Ирину с детьми на произвол судьбы он также не намерен...

Оружейная лавка была довольно просторной, со стеклянными витринами, в которых находилось множество образцов стреляющего, колющего и режущего железа. Как, впрочем, и различной амуниции и боеприпасов. Хороший, чистый и светлый магазин, чего уж там.

Вот только с посетителями для такой площади – не очень. Всего один-единственный офицер, полковник лет сорока, который увлеченно рассматривал какую-то модель пистолета. Причем разобрал его и со знанием дела вертел в руках какую-то его деталь.

Вообще-то отсутствие здесь посетителей было довольно нетипичным явлением. С началом военных действий спрос на оружие резко возрос. И что самое поразительное, оно продолжало продаваться вполне свободно, причем самых различных модификаций. Приобрести его мог абсолютно любой человек. Для покупки гладкоствольного оружия и малокалиберных пистолетов достаточно было иметь в кармане необходимую сумму.

На приобретение пистолетов и револьверов более серьезного калибра, нарезных винтовок и карабинов уже требовалось разрешение полицейского управления. Эту бумагу выписывали довольно быстро при наличии справки от врача о том, что с психикой у покупателя все в порядке.

Единственное исключение составляли образцы, состоявшие на вооружении армии. Приобрести их свободно могли только офицеры, причем без разницы, какого ведомства. Им и разрешения никакого не требовалось. Хоть пулемет покупай, если таковой имеется в продаже. Нда. Пулеметов не было. А жаль. Неплохо бы иметь свой собственный пулемет, причем желательно ручной. Но с ними тут вообще проблемы. Даже со станковыми.

– Покорнейше прошу простить, – сказав это полковнику самым любезным тоном, хозяин лавки тут же переключился на Шестакова: – Здравствуйте, Иван Викентьевич.

– Здравствуйте, Василий Григорьевич.

– Предвосхищая ваш вопрос, отвечаю сразу, все исполнил в лучшем виде.

– То есть удалось раздобыть весь заказ?

– Именно. Господа офицеры вашего полка будут довольны. Не извольте беспокоиться.

– При чем тут офицеры? – не понял Шестаков.

– Как? Разве вы делали заказ не для господ офицеров?

– А. Ну да, ну да. Показывайте. Кхм. А-а... – Он покосился в сторону полковника, увлеченно рассматривающего затвор автоматического пистолета.

– Молодой человек, не извольте беспокоиться по моему поводу. Я не покупатель, а скорее любопытствующий субъект, так что вы меня ничуть не стесните, – поняв причину заминки прапорщика, произнес полковник.

– Благодарю, господин полковник.

Но тот даже не удосужился ответить. Достал из кармана шинели раздвижную лупу и во что-то там стал вглядываться. Вот и ладушки. Приятно иметь дело не с чванливым субъектом,

а с вполне адекватным человеком. И похоже, хорошо разбирающимся в оружии. Вон как все тщательно рассматривает, еще и поворачивает так, чтобы свет падал под нужным углом.

Тем временем хозяин лавки отвел Шестакова в сторону и, подняв стойку, впустил за прилавок, где обнаружился деревянный ящик. После того как крышка была откинута, взору офицера предстали «маузеры», аккуратно уложенные и завернутые в промасленную оберточную бумагу. В соседнем отделении так же сложены кобуры из орехового дерева.

– Вот извольте видеть, все уже исполнено, как вы заказывали. – Хозяин указал на зажим из упругой стальной пластины, с кольцами под плечевой ремешок.

– Да, я вижу, – ощупывая зажим и пробуя его упругость, произнес Шестаков. – Отличная работа. Я так понимаю, здесь дюжина?

– Абсолютно верно.

– Я опробую их буквально завтра на стрельбище. И если что-то пойдет не так, не обесцудьте, но вам придется принять брак обратно.

– Всенепременнейше, Иван Викентьевич, – тут же заверил торговец. – Однако должен вам заметить, что ничего подобного не будет, потому как это настоящее немецкое качество. Еще довоенные запасы, которые, к сожалению, подходят к концу.

– Итак, дюжина «маузеров». Еще мне понадобятся для них патроны. Сколько у вас имеется в наличии?

– Как вы и просили, по пять сотен на пистолет. Я, правда, не знаю, куда вам столько? Неужели в войсках нет патронов, ведь эта модель рекомендована господам офицерам на замену «нагану».

– О себе и своих людях я предпочитаю заботиться сам. Будут патроны – хорошо, не окажется – мы не останемся с кусками железа в руках. Хм. А еще патроны имеются?

– Разумеется. Кроме этих, есть еще тысяча штук.

– Их я тоже забираю.

– Помилуйте, но если я вам их продам, у меня может остановиться торговля. Вы далеко не единственный, кто приобретает это оружие. Мне не хотелось бы терять клиентов. Давайте сделаем так. Я даю вам обещание, что уже через неделю довезу то количество патронов, какое вам понадобится. Возможно, управлюсь и раньше. Не расстреляете же вы все за неделю.

– Вообще-то вы правы. Давайте я немного подумаю и позже сообщу, какое количество мне потребно.

– Да, так, наверное, будет лучше всего.

– Тогда давайте считать.

– Итак, за сами «маузеры» с кобурой-прикладом по пятьдесят рублей за штуку шестьсот рублей. За шесть тысяч патронов по десять копеек за штуку, также шестьсот рублей. Итого, одна тысяча двести рублей. Как серьезному покупателю вам полагается скидка в десять процентов, и получается, что вы должны внести одну тысячу восемьдесят рублей.

Вообще-то, если судить по довоенным ценам, то тут не скидка получается, а чуть ли не форменный грабеж. Те же «маузеры» вот в этом исполнении стоили тридцать восемь – сорок рублей, самая дорогая модель не дороже сорока восьми. С другой стороны, это ведь перед войной, сейчас реалии несколько изменились. Так что вполне по-божески. Да и были пока деньги, так что нечего стонать.

– Василий Григорьевич, а что это у вас за револьвер? – уже передавая означенную сумму в руки хозяина магазина, поинтересовался Шестаков. – Очень уж он похож на «наган». Но чем-то не такой.

– Это последняя разработка фирмы Нагана, производство свернуто. Тот же офицерский «наган», но только с откидным барабаном и одновременным удалением стреляных гильз. Очень удобно, – передавая револьвер Шестакову, с готовностью пояснил Василий Григорьевич.

Ох, что-то он оживился и весь такой жизнерадостный. Нет, понятно, только что провернул удачную сделку, так отчего бы и не порадоваться. Но тут что-то другое. Очень уж его поведение похоже на то, как ведут себя разные коммивояжеры, впихивающие тебе лежалый и никому не нужный товар. И ценник на нем очень даже впечатляет, тридцать пять рублей. Да добавь пятнадцать и покупай «маузер», который даст сто очков вперед.

Но с другой стороны, оружие надежное, пережило две войны, с боеприпасами никаких проблем и плюс быстрая перезарядка. То, что нужно в качестве второго оружия для его преторианцев. Опять же Шестаков подумывал о бесшумном оружии, и в этом качестве «наган» его вполне устраивал, потому что это единственный револьвер с полной обтюрацией пороховых газов благодаря оригинальности своей конструкции. Ну и боеприпасы, чего уж там. Его средств надолго не хватит. Не успеет оглянуться, как денежки испарятся. И как ему потом быть с патронами?

– Хм. Я бы взял у вас тринадцать револьверов. Но боюсь, что у вас нет такого количества.

– Отчего же, найдется и столько, – поспешно заявил хозяин магазина.

– Замечательно. В таком случае давайте снизим цену до приемлемой, и я у вас их куплю.

– Что значит до приемлемой? Уверю вас, цена самая что ни на есть приемлемая.

– Давайте я скажу, что случилось с этими револьверами. Судя по клейму, данный револьвер произведен в одна тысяча девятьсот десятом году. По всему видно, что вы польстились на модель, под стать армейской, но не являющуюся таковой, а значит, данный экземпляр может быть продан гражданским лицам. Ну кому не захочется иметь армейское оружие, да еще и в куда более удобном исполнении? Те же господа офицеры захотят купить. Однако вы просчитались. Армейские офицеры, прекрасно зная цену данному оружию, выдаваемому им на службе, покупать его за свои средства даже в таком исполнении не стали бы. В гражданском же секторе все большей популярностью пользуются автоматические модели. Поэтому я уверен, что эти револьверы лежат у вас мертвым грузом года три или даже все четыре. Но я готов у вас купить тринадцать единиц по довоенным ценам и, конечно, с вашей фирменной скидкой.

– До войны они у меня продавались по тридцать рублей, – пожав плечами, ответил торговец, – и я продал-таки шесть единиц из двадцати.

– Что-то мне подсказывает, что это максимальная цена на тот момент.

– Дешевле не продам.

– А как со скидкой?

– Берите по двадцать восемь, но это минимальная цена, и никаких скидок.

Нда. Видимо, эти «наганы» и впрямь товар лежалый и никому не нужный. Нет, в принципе вполне нормальное оружие, но мало найдется желающих выкладывать за него свои кровные, если есть возможность взять что-то куда более солидное. Ну да ничего, он готов.

– Патроны, я так понимаю, вам не нужны.

– Ну уж к «нагану»-то патроны я раздобуду, – с улыбкой заверил Шестаков.

– Кобуры?

– Самые дешевые?

– Черной кожи, по рубль пятьдесят.

– Отлично.

– Тогда с вас еще триста восемьдесят три рубля пятьдесят копеек.

– Получите. Надеюсь, я вас не затрудню, если попрошу организовать доставку на территорию Сорок седьмого Украинского полка?

– Никаких проблем. Сегодня же и доставим.

– Лучше бы завтра, в первой половине дня. Я сегодня на службу уже не вернусь.

– Как скажете, – заверил хозяин.

Еще бы ему не обхаживать Шестакова. Такие покупатели далеко не каждый год встречаются, не то что день. Поэтому доставочку можно и за сотню верст организовать, не только на окраину Киева.

– Прошу прощения, господин прапорщик, – вдруг обратился к Шестакову полковник. – Вы позволите взглянуть на вашу кобуру?

– Да, конечно, – растерянно ответил прапорщик, отстегивая кобуру от ремня.

– Хм. Оригинально. Ничего подобного я не встречал. Сами придумали?

– Да тут ничего такого особенного, – пожал плечами Шестаков, – просто носить эту бандуру на плечевом ремне неудобно. С одной стороны приходится придерживать шашку, с другой болтается «маузер». А с зажимом вполне нормально, и ничего не мешает.

– Вот такая-то простота порой куда эффективней получается, нежели что-то сложное и мудреное.

Шестаков вернул кобуру с «маузером» на место, попрощался с хозяином магазина и вышел на улицу. Странное дело, полковник направился следом. Причем было совершенно очевидно, что нацелился он именно на прапорщика. Интересно, что это за фрукт? Мало ли, как все обернется, все же война, шпионы, чтобы им пусто было! Вдруг им понадобился молодой и глупый прапорщик.

– Простите еще раз, – окликнул его полковник, оказавшись на улице.

– Да?

Шестаков обернулся, попутно решив, что надо бы вернуться и обзавестись «браунингом». Машинка недорогая, зато надежная и компактная. Для скрытного ношения лучше и не придумаешь. Кстати, относится к классу, который тут может купить абсолютно любой. Даже конченый псих, если только не напугает хозяина оружейной лавки.

– Позвольте полюбопытствовать, для кого вы покупаете такое большое количество оружия? Вы говорили так, словно приобретаете его для подчиненных, а между тем у вас в подчинении не может быть офицеров.

– Я прошу прощения, господин полковник, но хотелось бы знать, с кем я говорю? И в связи с чем вызваны ваши вопросы?

– Полковник Федоров, артиллерийский комитет Главного артиллерийского управления. А связь? Признаюсь честно, обуяло любопытство.

Угу. Или полковника очень уж заинтересовал тип, проговорившийся, что покупает оружие для подчиненных. А значит, может оказаться кем угодно, от бунтовщика до провокатора и шпиона в едином лице. Но с другой стороны, доставку оружия прапорщик просил организовать на территорию полка. Даже уточнил, что на службе будет только завтра. Вот и надо бы разузнать получше, чтобы не поднимать тревогу попусту.

А есть и еще один вариант. Он, этот полковник, и есть тот самый шпион и занимается самой банальной вербовкой. Вот офицер покупает целый арсенал. Для чего? Да мало ли. Ну а если что-то не совсем законное или даже совсем незаконное, тогда его можно подцепить на крючок. Конечно, как-то это все топорно, но...

– Федоров? – вдруг начав догадываться, удивленно произнес спрашиваемый.

– Простите?

– Кхм. Прапорщик Шестаков, запасной батальон Сорок седьмого пехотного Украинского полка. Полковник Федоров. Простите, это не вы занимались разработкой автоматического оружия?

– А вы откуда знаете?

– Ну, никто из этого государственную тайну не делал, а земля слухами полнится. Значит, все же вы. Господин полковник, позвольте пригласить вас ко мне домой на обед. Моя... Ну скажем так, супруга будет рада гостю. Нда. Понимаю, как это звучит. Просто, первая любовь,

потом жизнь разбросала, а три месяца назад она потеряла на фронте мужа. Ну, не пристало вот так-то сразу под венец.

– Вы напрасно оправдываетесь, господин прапорщик. Однако меня удивило ваше такое скоропалительное решение.

– Оно не скоропалительное, и я могу вас в этом убедить. Просто у меня есть кое-какие идеи, но я не инженер, а потому не способен ни грамотно их подать, ни воплотить сам. Думал, на службе обязательно повстречаю дельного офицера и выложу все ему. А тут такая встреча. И потом, даже если это бред, мои домашние прекрасно готовят, а вы наверняка в командировке.

– Уговорили. Только и вы уж поведайте, для чего вам понадобился целый арсенал?

– Обязательно, – подзывая извозчика, каковых в центре было предостаточно, пообещал Шестаков. – Так вот, господин полковник. Про винтовочный голод я вам рассказывать не буду. Пожалуй, вам это известно лучше, чем мне.

– Однако...

– Бросьте, господин полковник. Извозчик. Слышь, братец? Ну-ка расскажи, о чем шепчутся на улицах про нашу армию? Давай, не стесняйся. Правду скажешь, полтинник накинута.

– Знамо дело, что бают, ваше благородие. Мол, ружей у наших солдатиков нету. Одна на десяток. Оттого они германца одними лопатками да кулаками бьют. А кабы имелись те ружья, так уж в Берлине были бы. Чай, значит, с их бабами пили бы.

– Заработал свой полтинник, братец. Только скажи тому, кто тебе эту брехню втемяшил, что винтовок и впрямь не хватает, да не все так плохо, на троих две выходит, и это правда.

– Ага. Понял, вот так в морду ему и скажу, ваше благородие.

– Так-то, господин полковник. Шила в мешке не утаишь. Оружие это я купил для моих солдат. Чтобы обучить их им пользоваться и отправиться с ним на фронт. Есть у меня одна задумка. Но вы правы, об этом лучше приватно.

...Ирина и впрямь обрадовалась гостю. Она вообще всегда отличалась общительностью, радушием и гостеприимством. А тут незнакомый город, Иван все время пропадает на службе или в своем кабинете. Нет, ей, конечно же, время уделяет, но не сказать, что так уж любит гостей. Да и изматывается он настолько, что чуть добравшись до койки, тут же проваливается в крепкий сон.

Правда, потом даже по лбу постучала, мол, кто так делает, дубина ты стоеросовая. Разве можно хозяйку перед фактом ставить – а ну, давай на стол мечи, что есть в печи. Оно же для начала должно в печи оказаться, чтобы было что метать. Ну да, слава богу, выкрутилась, не осрамилась.

После обеда Шестаков увел Федорова к себе в кабинет и уже здесь, в спокойной обстановке, поведал ему о своем намерении создать разведывательно-диверсионную группу. Озвучил собственное мнение относительно целей и задач, решаемых подобными группами.

– То есть вы не верите, что если вы обратитесь с вашими предложениями по команде, то сможете добиться чего-то дельного? – поинтересовался полковник.

– Вообще ничего не добьюсь. А вот если дойдет до германского командования, то они могут уже через месяц запустить целую школу по подготовке таких подразделений и буквально завалят фронт своими диверсантами.

– Вы настолько высокого мнения о германцах?

– И они этого заслуживают. Поверьте мне. Я не говорю, что у нас все плохо. Но нас сначала должен жареный петух пониже спины клюнуть, чтобы мы зашевелились. Что-то делать планомерно мы не умеем. Ну вот хотя бы скажите, неужели не было понятно, что имеющегося количества винтовок недостаточно? Русско-японская нас ничему не научила? Или думали – малой кровью и на чужой территории? А как насчет того, что только на моей памяти через наш учебный батальон прошло больше сотни вчерашних рабочих? А кто будет стоять у станка

и ковать оружие? Крестьянин с сохой? Ведь я уверен, что в армию забривают всех подряд, не разбираясь, какая квалификация у рабочего.

– Ну. Здесь не в бровь, а в глаз.

– Вот именно. Поэтому я и решил, сначала все сделаю, выдам результат, а там уж... Вот не поверите, взятки совал, только бы в армию к Брусилову попасть. И снова посулы сую, чтобы раньше времени не отправили, чтобы успеть подготовить хотя бы одно отделение, костяк будущего подразделения.

– Но почему «маузеры» и револьверы? Ведь это оружие ближнего боя.

– А мне не нужен бой на дальних дистанциях. Тихо подкрасться и тихо же, как снег на голову. Диверсанту если и придется драться, то накоротке, а тут уж нужно оружие легкое, маневренное и скорострельное.

– Вы воевали?

– Не на этой войне, – покачал головой Шестаков, – но поверьте, опыт у меня есть. И немалый.

– Для японской вы молоды. Балканы?

– Без разницы.

– Ладно. Но почему «маузер»? Признаться, несмотря на его популярность у наших господ офицеров, оружие довольно капризное, требовательное и порою даже ненадежное.

– «Маузер», конечно, не идеальный вариант, но лучшее из того, что есть. Правда, можно еще лучше. И вот именно об этом я и хотел поговорить с вами.

– Ваши предложения, о которых вы упоминали?

– Да. Вечерами, знаете ли, делать нечего, вот и кудесничаю.

Шестаков достал из стола альбом для рисования и положил перед Федоровым, попыхивающим папиросой. Сам прапорщик не курил, но любезно предоставил гостю пепельницу и открыл форточку.

Полковник не без интереса взял альбом и начал рассматривать представленные там рисунки. Именно, что рисунки. Шестаков хорошо рисовал, не отнять, а Шейранов же кое-что помнил из своей прошлой жизни. Вот только никаких размеров или технических тонкостей он не знал. Изобразил то, что помнил и как помнил. Ну а чего не помнил, указал так, в общем, без какой-либо конкретики.

– Нда-а. Объясните? – поинтересовался Федоров.

– Давайте с самого начала, – предложил Шестаков, и полковник открыл альбом на первом листе, после чего внимательно посмотрел на прапорщика. – Это пистолет-пулемет. Ложе деревянное, магазин коробчатый, на тридцать патронов. Патроны как раз маузеровские. Длина ствола сантиметров тридцать. Думаю, прицельная дальность должна получиться в пределах двухсот метров. Ведет огонь и автоматический, и одиночный. Механизм спусковой, простой, как молоток. О деталях и о том, какой должен быть затвор, не спрашивайте. Не знаю.

– Хм. Ну, в общем, принцип понятен. А вот это что?

– Кожух охлаждения, это скос перед стволом, компенсатор и пламегаситель.

Ну да. Шейранов, используя способности Шестакова, нарисовал самый обычный «ППШ», разве только убрал дисковый магазин, заменив его коробчатым. Ну а дальше. Дальше уж пусть занимается тот, кто лучше разбирается в этом вопросе.

– А вообще должно получиться довольно удачно. Чуть ли не самая трудоемкая и важная часть любого оружия – это ствол. Так вот, из одного ствола обычной пехотной винтовки можно делать два ствола. Один для карабина, второй для автомата. Пехотный вариант винтовки так же, как драгунский, по сути, себя изжили. Об этом буквально кричат все последние конфликты и войны. Большие открытые пространства вполне перекрывают пулеметы, солдату же остаются средние дистанции, с которыми справится и карабин. И тех штыковых атак, для которых предназначена винтовка, уже нет. Зато есть рукопашные в стесненном пространстве окопов, где с

винтовкой не развернуться, а вот карабин самое то. Почти. Потому что к компактности нужна еще и скорострельность, и вот тут пистолет-пулемет выходит на первое место.

– Да, но у него недостаточная дальность и вряд ли будет высокая точность.

– А я прямо и говорю, что по сути это оружие ближнего боя, но зато его эффективность должна быть на высоте.

– Так, а это что? Если не ошибаюсь, миномет?

– Именно. Калибр может быть от пятидесяти до ста или даже ста двадцати. Тут нужны не мои мозги. Но главное – это схожесть конструкции и простота. Стальная труба с боевым выступом, стальная же платформа и сошки. Мина вообще изготавливается простым литьем из чугуна, практически никаких токарных работ. Дистанция... Я не знаю, но думаю до полукилометра, а может, и дальше. Говорю же, я вижу идею, а как все выйдет на деле, дело и покажет.

Далее собеседники быстро пробежались по остальным задумкам Шестакова, которые он рисовал вечерами, когда не валился с ног от усталости. Были там и противопехотная мина, и ручная осколочная граната, причем в двух вариантах, из гнутого железа, нарисованная по памяти «РГ-42», и литая из чугуна «Ф-1». Единственное, что прапорщику удалось нарисовать в деталях, хотя опять же без размеров, – это запал.

– Та-а-ак. Интере-эсно, – добив последней затяжкой уже четвертую папиросу и сощурившись от дыма, произнес Федоров. – Позвольте, молодой человек.

Полковник без зазрения совести согнал прапорщика с хозяйского места за столом и сам разместился с удобством, наконец сумев вытянуть затекшие ноги. Похрустел шеей, повел плечами и, тряхнув головой, произнес:

– Надеюсь, вы это все не от руки рисовали? Найдутся готовальня, линейка, бумага?

– Разумеется, – ответил Шестаков, выкладывая перед Федоровым все затребованное.

– Извините, – заглянула в приоткрытую дверь Ирина. – Вы здесь уже час сидите. Может быть, чаю?

Шестаков посмотрел на Федорова, потер переносицу и наконец решительно заявил:

– Ириша, нам бы кофе. И если у нас запасы невелики, то лучше бы пополнить. Чувствую, мы тут надолго.

– Простите Христа ради, Ирина Сергеевна, но больно уж Иван Викентьевич занятный собеседник. Признаться, я пока еще не понял, в добрый ли час я его повстречал, но чувствую, что эта встреча добавит мне седых волос.

– В добрый, уж поверьте мне, – уверенно заверила гостя Ирина. – Значит, кофе? Вот и ладно.

– Ну-с, молодой человек, присаживайтесь, и давайте попытаемся придать вашим ощущениям и догадкам хоть какие-то стройность и конкретику, – когда Ирина скрылась за дверью, произнес Федоров, разминая пальцы.

Глава 4. Передовая

– Иван Викентьевич, стоит ли самому совать голову в пекло? – с сомнением произнес заглянувший в блиндаж командир роты.

Капитан Глымов, мужчина средних лет, невысокого роста и коренастого сложения. С первого же взгляда видно, что человек он рассудительный, спокойный и уверенный в себе. Ну и как любая сильная личность, напроць лишенный спеси, что и подтвердилось с самого начала их общения. И в результате беспримерное уважение солдат, которое ощущалось сразу.

Сосед по блиндажу, поручик Малкин, тут же поддержал командира соответствующим жестом, мол, а я о чем ему говорю. Этот был в противоположность начальнику высок, худощав и весьма словоохотлив. Правда, при ротном все же старался сдерживаться. Было видно, что он пытается ему подражать, вот только выходило не очень, темперамент брал свое.

А вообще Шестакова в роте приняли хорошо. Правда, офицеров здесь было только двое, командир роты и ротный офицер. Должность заместителя командира роты была вакантной уже несколько месяцев. Второго ротного офицера ранило буквально за несколько дней до прихода маршевой роты с пополнением.

Шестаков полагал, что ему непременно придется выдержать целое сражение со своим будущим начальством относительно отделения преторианцев. Но на деле капитан Глымов только поинтересовался, откуда у солдат практически безоружного пополнения взялся такой арсенал? И ответ, что это приобрел за свои средства господин прапорщик, его вполне удовлетворил. На передовой вообще на многие вопросы смотрят проще.

Правда, в приватной беседе он все же высказал свое удивление. На что Шестаков ответил, что намерен изрядно попортить нервы австриякам своими вылазками, для того и людей готовил. Рассказал и о том, как ему удалось получить отсрочку от отправки на фронт, чтобы появилось время осуществить задуманное.

Капитан выслушал его самым внимательным образом и заявил, что лучше бы прапорщик передал деньги семье. Им они окажутся куда нужнее после того, как его убьют. Но с другой стороны, хватать и не пущать ни его, ни его людей он не станет. Лихость и безрассудство имеют свои плюсы, оказывают положительное влияние на настроения остальных. Ну и потом вдруг из этого и впрямь что-то да получится. Признаться, он уже устал терять людей в лобовых атаках, при минимальной поддержке артиллерии.

– Сожалею, Анатолий Сергеевич, но, чтобы добиться желаемого результата, я просто вынужден рисковать, – пожав плечами, ответил командиру роты Шестаков. – И потом, риск не столь уж и велик, как это может показаться на первый взгляд. Главное, не терять голову и не бросаться в атаку грудью на пулемет.

– Хм. Говорите так, будто имеете боевой опыт, а между тем, с ваших слов, на фронте впервые, – удивился капитан.

– И я не соврал. В этой войне я еще не сделал ни единого выстрела и на фронте впервые.

– Вот, значит, как. В этой войне. И все же не понимаю, зачем вам нужно лазить по ничейной земле и собирать винтовки. Коль скоро вы ставите перед собой и вашим отделением серьезные и далеко идущие цели.

– От простого к сложному, Анатолий Сергеевич. В отделении только двое имеют кое-какой боевой опыт, трое и вовсе юнцы безусые. Пусть ползают по ничейной земле, по привыкнут к чувству опасности, чтобы не цепенеть, когда дойдет до дела.

– Ну что же, резонно. Удачи вам, Иван Викентьевич, – согласился капитан.

– Благодарю.

Шестаков не стал тянуть и решил действовать сразу по прибытии на передовую. Грешно терять попусту время, коль скоро встретил понимание со стороны своего непосредственного

начальника. Поэтому в первый день он дал бойцам время на обустройство. Нечего валяться в грязи, как пороса. Устроиться с относительным комфортом можно всегда, было бы желание.

Кстати, он довольно часто видел в фильмах, как солдаты зимовали под открытым небом. Группы солдат, на дне окопов сгрудившиеся в кучки, чтобы не замерзнуть, и именно такую картину он ожидал увидеть здесь. Но наверное, сказывались особенности местности. Карпаты были богаты лесом. А может быть, свое веское слово сказала требовательность командиров, потому как солдат лишний раз топором не взмахнет и лопату в землю не вгонит. Однако факт остается фактом, блиндажи здесь имелись на весь личный состав. И окопы отрыты полного профиля, несмотря на каменистый грунт.

Глядя на эти блиндажи, прапорщик пришел к выводу, что одно прямое попадание стопятидесятимиллиметрового снаряда они должны выдержать. Со вторым уже сомнительно. Ну да и снаряд дважды в одну воронку не попадает. Теоретически. Откуда он это знал? Так ведь практика. Во время чеченской Шейранову приходилось бывать в подобных сооружениях. Солдаты там не располагались. Личный состав все больше в палатках обретался. А вот склады РАВ очень даже.

Так что рота устроилась вполне прилично. Шестакову даже удалось выпросить у командира разрешение построить для своих преторианцев отдельный блиндаж. Впрочем, тут и просить особо не пришлось. Еще одно укрытие лишним никогда не будет. Нельзя сказать, что бойцы отделения были обрадованы этим обстоятельством, но и спорить с их благородием не стали. За прошедшую пару месяцев он сумел не просто добиться от них беспрекословного повиновения. Они его по-настоящему уважали, хотя он и не опускался до панибратства.

Еще чего не хватало! Начальник не может себе этого позволить, в какой бы обстановке он ни был. Речь здесь вовсе не о чванстве или высокомерии, а о самой обычной субординации, одной из основ дисциплины, без которой в любом подразделении начинается бардак. Для того чтобы подчиненные уважали командира, ему вовсе не обязательно быть с ними накоротке. А у Шейранова был опыт руководства людьми по прошлой жизни.

Так что покряхтели бойцы тихонько, чтобы их благородие не услышал, а то загонит еще на пробежку верст на десять. С него станется. Да и взялись за лопаты, кирки, топоры и пилы, благо шанцевый инструмент у них имелся, и не абы какой, а очень даже качественный. Другие солдаты роты только головами качали, глядя на то, как стараются новички. К чему, если все уже обустроено?

А вот с оружием была самая настоящая беда. Признаться, Шестаков думал, что положение не столь катастрофическое, хотя и слышал много чего интересного. К примеру, от того же полковника Федорова, кочевавшего по фронтам и организовывавшего ремонт винтовок в прифронтовой полосе. Но на деле все оказалось куда страшнее. Даже на передовой каждый третий оставался без оружия. Командиры полков шли на самые различные ухищрения, чтобы восполнять убыль винтовок.

На перевязочных пунктах в первую очередь помощь оказывали тем, кто прибывал туда с оружием. Объявляли премию из полковой кассы за оружие, вынесенное с поля боя. В их полку за каждую трехлинейку выплачивалось по два рубля, за трофейную винтовку или карабин – рубль. Вот и ползали солдаты после боя на ничейную землю, как говорили они, «по винтовки». Самые отчаянные отправляли домой переводы и по сто рублей. Но все это не могло решить вопрос винтовочного голода.

Вот именно за винтовками и собирался выдвинуться Шестаков вместе со своим отделением. Вчера, пока одни готовили землянку, другие знакомились с участком местности, осматривая ничейную землю с помощью биноклей. Ох, как же дорого обошлась прапорщику экипировка его бойцов! Кстати, удалось раздобыть только отечественную оптику. О том, чтобы разжиться трофейными образцами, не могло быть и речи. Никто даже разговаривать не желал на эту тему, настолько разнилось качество.

Так вот. По всему выходило, что занятие он выбрал для своих ребят не из простых. Все винтовки, что валялись поближе и в не очень опасных местах, давно уже повибаскивали отчаянные головы из их роты. Оставались только те, до которых добраться было не так просто. В частности, у самых проволочных заграждений австрийских позиций и между ними. А там ведь мало того, что могут заметить и подстрелить. Этому очень даже способствует сигнализация из подвешенных на проволочных заграждениях пустых консервных банок. Так ведь еще и фугасы интересные заложены, что подрываются сами или при помощи подрывных машинок.

Шестаков вышел из блиндажа и направился к месту сбора отделения в первой линии траншей. По окопам пришлось идти, внимательно глядя под ноги, чтобы не угодить в какую-нибудь лужу. Даже несмотря на то что позиции полка располагались непосредственно на Дукельском перевале, а практически все позиции Восьмой армии проходили по главному Карпатскому хребту, влаги хватало. Начало апреля, а тут еще и теплынь стоит, так что сейчас самая распутица.

Парни были уже в сборе и тихо переговаривались. Слышались едва различимые смешки. Вот только от смеха того напряжением веет, весельем тут и не пахнет. Ничего удивительного, коль скоро нервы натянуты, как струна. Что же, понять можно, дело им предстоит рискованное. А вот послышался смешок уже с издевкой. Это кто-то из старого состава роты, уже попривыкший к костлявой, что рядом все время бродит.

Ну и еще наверняка у него вызвало веселье одеяние бойцов Шестакова. Было отчего веселиться. Создать сколько-нибудь удобную лохматку у Шестакова не получилось. Разве только эдакую накидку. Но она хороша для засады, а вот ползать и уж тем более бегать в ней – не очень. Но зато удалось сшить комбинезоны, надевающиеся поверх формы. Именно это свободное одеяние, висевшее чуть не мешком, и вызвало смешки «старичка». Ну и еще размалеванные сажей лица рядовых.

– Солдат, что ты тут делаешь? – подойдя к бойцам, строго поинтересовался Шестаков.

– Дак я, ваш бродь, часовой. За супостатом присматриваю, чтобы он чего не учудил. Не одни мы им житья не даем.

– И что? Устав забыл, братец? Возвращайся на пост и неси службу как полагается.

– Слушаюсь, ваш бродь.

– Солдат, – окликнул Шестаков уже отвернувшегося ветерана, – заруби себе на носу, так зыркай на своего соседа по хате, что тебе целковый должен. На меня – не советую, не то будешь иметь бледный вид и вялую походку. И еще, то, что можно им, – прапорщик указал на отделение преторианцев, – другим не положено. Чтобы я этого «ваш бродь» больше не слышал. Уяснил?

– Так точно, ваше благородие.

– Вижу, что уяснил. Все. Неси службу.

Солдат предпочел от греха подальше отойти в сторонку, что не ускользнуло от Шестакова. То, что народ уже почти год в окопах вшей кормит, еще ни о чем не говорит. Дисциплина в армии на высоте. И будет таковой до тех пор, пока солдат вдруг не осознает, что над ним больше не висит дамоклов меч неотвратимого наказания.

– Ну что, братцы, боязно? – когда часовой отошел, поинтересовался Шестаков.

– Да не так, чтобы и очень, – повел плечами унтер, – но есть маленько.

– Не журишь, братцы. Просто делай, как на учениях, все и обойдется. Беда приходит тогда, когда варезку разеваешь да забываешь про науку, которую в тебя вдалбливали. Цели свои все помните? Вот и ладушки. Сейчас выходим и парами, каждый к своей цели. Я пойду с Началовым и Ильиным. Вопросы? Ну, пошли, ребятки! – накидывая на голову пятнистый капюшон и затягивая тесемки, приказал прапорщик.

Отделение бесшумными тенями скользнуло за бруствер. Несколько секунд, и вокруг повисла тишина, нарушаемая только самыми обычными ночными звуками. Обиженный часо-

вой все же не выдержал, подошел к тому месту, откуда выдвинулось отделение, и всмотрелся в пространство перед траншеей. Не сказать, что вокруг висела непроглядная тьма, но он никого не рассмотрел. Прислушался. Все тихо.

Ладно. Кое-что вроде бы умеют. Но это еще ни о чем не говорит. Цыплят по осени считают. Вот пусть сначала с винтовками вернутся, а там видно будет, что за гуси-лебеди припожаловали в роту. Нет, мужики вроде бы нормальные. Но вот их прапорщик. Больно мудрый. Ничего, в окопах-то быстро пообтешется...

В принципе Шестаков мог без труда обогнать своих напарников. Но не желал форсировать события. Пусть выбирают себе ритм сами. Одно дело, когда ты пробираешься на учениях, зная, что даже если тебя обнаружат, то отделаешься только легким испугом. И совсем другое, когда имеет место реальная опасность. Тут понадобится крепкая нервная система, которую нужно тренировать, как тренируют мышцы. А то ведь наверняка кровь в ушах шумит так, что ничего вокруг не слышишь. Или наоборот – слышишь и видишь то, чего нет и в помине.

Шестаков проверил направление движения по компасу. Ну что же, волноваться волнуются, но к намеченной цели идут довольно уверенно. Во всяком случае, точно придерживаются азимута, намеченного еще днем. Правда, поручиться, что дойдут без ошибок, нельзя. Ничейная земля настолько перерыта снарядами, что сейчас похожа на лунный пейзаж: сплошные воронки. Причем есть и такие, где без труда могут поместиться несколько бойцов, а если очень постараться, так и все отделение. Серьезный калибр, нечего сказать.

Так что двигаться строго по прямой не получается, приходится огибать большие воронки, встречающиеся на пути. Нырять же в каждую из них – тоже удовольствие ниже среднего. Одно дело, когда это небольшая ямка от снаряда полевой пушки, и совсем другое, когда целая ямища от куда более серьезного чемодана.

Доползли до промоины, имеющей нужное направление. Глубина так себе, несерьезная. Зато двигаться, согнувшись в три погибели, получается намного быстрее, чем ползком. До позиций противника примерно полверсты. Тот, кто пробовал преодолеть по-пластунски хотя бы сотню шагов, без труда поймет преимущества такой складки местности. Впрочем, недолго музыка играла. Уже через сотню метров вновь пришлось выбираться из отвернувшей в сторону промоины и продолжать двигаться на брюхе.

Вот наконец и первое проволочное ограждение. Ширина полосы из кольев, густо оплетенных колючкой, метра три. Через каких-то десять метров, изобилующих волчьими ямами, еще одна полоса колючки, и тоже метра три в ширину. Далее, метров через двадцать, непосредственно окопы.

Еще метров за пятнадцать в ход пошли специальный нож и ножны. Это изделие изготовили в механических мастерских за довольно приличную плату и по эскизам Шестакова. Хорошо получилось. Остроконечный клинок с двойной заточкой на четверть, остальная часть обратной стороны лезвия представляет собой пилу. Имеется отверстие, посредством которого нож превращается в кусачки. Ну да, очень похоже на штык-нож от «АК». А зачем мудрить, если можно повторить, разве только с поправками на местные реалии.

Сначала бойцы использовали его как шуп, для поиска фугасной закладки. Такие закладки стараются делать на удалении от ограждения, чтобы при взрыве оно не пострадало. Конечно, с противопехотными минами сейчас полный швах. По-хорошему, их попросту нет. Не придали значения опыту Русско-японской войны. Вот и используют фугасные закладки, в основном управляемые по проводам. Ну и еще изгаляются солдаты с обеих сторон, придумывая самые различные конструкции. Кустарщина, не без того, вот только от этого не менее смертоносная.

Так что подорваться на фугасе Шестаков не опасался, а вот обнаружить вражеский фугас и обезвредить его – дело хорошее. Опять же в такой закладке обычно килограмма два взрывчатки, а то и больше. Чтобы шарахнула, так шарахнула.

Кстати, у русских с этим делом немного лучше. Еще при осаде Порт-Артура обороняющимися с успехом применялись самые различные модификации мин. В том числе и мина штабс-капитана Карасева. В смысле – фугас. Сейчас название мина относится строго к морской терминологии. Смех и грех, но его фугас – не что иное, как прыгающая противопехотная мина. Мало того, после войны он усовершенствовал ее, и теперь русская армия имеет фабричное изделие.

Правда, ее стали производить только с начала пятнадцатого года. До этого, несмотря на удачную конструкцию, оставили без внимания, посчитали, что мины – это оружие обороны, а доктрина у нас – наступательная. Да... Между прочим, у всех стран она наступательная, даже и непонятно, кто будет обороняться. Ну и снаряжают эту мину черным порохом, которого в стране большие запасы. Конечно, поражающее действие от этого пострадало, ну, да хоть что-то.

На фронт поставляются два образца этих фугасов, малый и большой. Большой зарывается в землю и приводится в действие с помощью проводов. При замыкании контактов выпрыгивает на высоту, заданную с помощью выбранной длины цепочки, и подрывается. Малый подвешивается на кольях проволочного заграждения, и от него в разные стороны отходят растяжки. Зацепи такую разведчик или атакующий – и произойдет взрыв. Неплохо, вот только мало этих мин. Очень мало...

Наконец добрались до проволочного заграждения, не обнаружив при этом ни одного фугаса. Однако, памятуя о своих малых фугасах, торопиться не стали. Все верно, не производит противник мины, вот только пылливый солдатский ум способен создавать такие ловушки, что только держись. Лучше не расслабляться.

Растяжек не обнаружили, банки, висящие на заграждении, похоже, самые обыкновенные жестянки, и их задача только подать сигнал тревоги. Ильин и Началов действовали на пару. Первый брался за висящую банку, второй срезал ее. Добычу откладывали в сторону, чтобы та своим предательским бряцаньем не выдала охотников за винтовками. Только когда срезали все банки, брались за самую колючую проволоку. И опять же общими усилиями. Срезали нить, отвернули ее в сторону, чтобы не мешала, потом вторую. Продвинулись немного вперед и опять взялись за банки.

Первую полосу преодолели минут за двадцать. Конечно, можно было бы и быстрее, но бойцы старались действовать максимально тихо. Шестаков же предпочитал не вмешиваться в процесс. Если честно, он также отправился для получения опыта и, так сказать, тренировки нервной системы.

Во-первых, как ни мала вероятность повредить имплантат, она все же существует, и в этом случае его ждет безвременная кончина. Во-вторых, он прекрасно помнил, насколько малоприятно получать свинцовые гостинцы, и, пусть он мог полностью отключаться от боли, процесс ранения очень даже болезненный и неприятный. Ну и, наконец, приобретение опыта и навыков для этого тела.

Намеченная цель должна была находиться где-то между первым и вторым проволочными заграждениями. Кстати, расщедрились австрияки, нечего сказать. На сотню метров заграждения в три ряда нужно затратить не меньше двух километров колючей проволоки. А здесь две такие полосы, да и тянутся они по всему фронту.

Впрочем, понять их несложно. Они вцепились в перевалы мертвой хваткой и готовы костями лечь, лишь бы не допустить русских на Венгерскую равнину. Дукельский перевал, где и занимает позиции рота Шестакова, за какие-то три месяца захватывается русскими войсками уже в третий раз. А вот на то, чтобы пройти дальше, сил уже недостает, австрийцы сразу же бросают в бой все, что только возможно.

Если русским войскам удастся выйти на равнину, да при грамотном использовании конницы, которая составляет чуть не треть всей армии, можно очень быстро овладеть Венгрией. Затем соединиться с сербской армией, проявившей в этой войне завидную стойкость. Даже

при отсутствии поставок со стороны России из-за несговорчивости болгарского правительства к концу года сербы сумели отбросить австрийцев и восстановить свои прежние границы. Да и сами венгры вполне могут отторгнуть австрийцев, уж больно много у них застарелых противоречий.

Так что переход русской армии через Карпаты – это практически крах для Австро-Венгрии. Вот и держатся за перевалы, словно утопающий за соломинку. Понимают это и германцы, поэтому время от времени перебрасывают на помощь австрийцам свои корпуса. А уж германец воевать умеет, этого у них не отнять.

Впрочем, если судить по тому, как воюют российские генералы, утверждение это более чем сомнительное. Такое впечатление, что они надеются на извечное русское авось, а войну ведут в лучшем случае полковники и далее по ниспадающей. Словно и не было Русско-японской с ее уроками. Так что и у германцев все не слава богу, если при таком подходе русского командования они никак не могут оторваться от своих границ, а кое-где и выйти к ним.

Впрочем, у австрийцев все еще хуже. Стодвадцатитысячный гарнизон Перемышля умудрился сдать неполным семидесяти тысячам русских. Осаждавшие замкнули кольцо, растянувшись тонкой линией. Когда после капитуляции в нашем штабе стало известно о соотношении сил, генералы чуть не начали заикаться. По данным разведки, гарнизон крепости составлял порядка сорока тысяч. Странно здесь как-то разведка устроена. Так что, если бы не постоянная поддержка германцев, австрийцев еще к Новому году вышибли бы из войны...

Размышляя над перипетиями этой войны, о которой он практически ничего не знал, Шестаков полз к намеченной цели – убитому австрийскому солдату. Труп бедолаги висел на проволочном ограждении и снизу был хорошо заметен на фоне неба. А то как-то неудобно, если бойцы вернутся с трофеями, а он, их придирчивый командир, – с пустыми руками.

Нет, понятно, что его главная задача – руководство. Но кем тут прикажете командовать, если он уже и Началова с Ильиным не наблюдает? Хорошо еще, что знает, в каком они убыли направлении. А со связью здесь... Ох, лучше не вспоминать. Так что максимум самостоятельности. Иначе никак. Ну и коль скоро он не может командовать, то пока будет выступать в роли рядового бойца. А какая стоит задача? Правильно. Вот и ползет он за своей винтовкой.

Пока добирался до второй полосы ограждений, несмотря на работу артиллерии, обнаружил больше десятка волчьих ям. Нет, зверю в такую не провалиться, потому как размеры очень скромные. Квадрат всего-то тридцать на тридцать сантиметров, да глубиной не больше пятидесяти. Вот только одно лишь попадание в такую ловушку может обеспечить перелом ноги. А уж наличие на дне доски с торчащими из нее несколькими гвоздями гарантирует ранение стопы. Так что тут повнимательнее нужно под ноги смотреть.

Вот и искомый труп. Странно все же. Ну неубранные трупы русских – это понятно. Но своих-то могли бы и прибрать. Хотя... за кем-то близким, возможно, и полезли бы, а так... Впрочем, перед русскими позициями тоже лежат тела сослуживцев, но рисковать их вынести желающих как-то не находится. За винтовками лазают, а вот убитых так и оставляют.

Так, что тут у нас? Ага. «Манлихер», пехотная винтовка. Ну это ожидаемо. Господи, а смердит-то как! Того и гляди вывернет наизнанку. Интересно, тут перемирия бывают, чтобы павших прибирать? Расстегиваем ремень с патронными сумками и ножнами. Сам тесак закреплен на винтовке. Кстати, от офицеров слышал много лестного об этом оружии. Трофейные винтовки очень даже пользуют в русской армии.

Оп-па. А это что? Отполз на пару метров в сторонку. Так и есть. Не показалось. Из травы, сохранившейся под ограждением, торчит приклад. Потянул. «Мосинка» с искривленным штыком и налетом ржавчины. Сомнительно, чтобы коррозия достигла критического уровня, хотя оружие тут и валяется уже пару месяцев. Вон черные копатели извлекают на свет божий образцы, пролежавшие в земле семьдесят лет, и ничего, стреляют за милую душу. Так что еще послужит.

Прапорщик уже собирался в обратный путь, к проделанному его бойцами проходу, когда услышал приглушенные голоса и какую-то возню. Интересно, что бы это могло означать? Австрийцы собрались по винтовки? Так вроде не водилось за ними такого. Или он просто не все знает? Может ли у австрийской армии начаться винтовочный голод? Да кто же его знает, были ли у них вообще проблемы с вооружением или только с личным составом?

Проклятие! Вот и они. Вроде бы двое. Не просто ползут, а что-то волокут за собой. Похоже, у них там проход оставлен для собственных нужд. Шестаков быстро осмотрелся и отполз назад, к обнаружившейся неподалеку большой воронке. Прodelать все тихо, при наличии двух винтовок оказалось не так просто. Но и бросать их он не собирался. Так что пошумел немного, не без того.

Впрочем, австрийцы вели себя куда более шумно, а потому ничего не заметили. Будто у себя дома. Хм. А ведь так оно и есть как в прямом, так и в переносном смысле. Это территория их государства, и до австрийских позиций не больше полусотни метров.

Ну и как быть? Позволить им заниматься своими делами? Разумно. Но сейчас он о них знает и имеет возможность расправиться по-тихому, используя свое преимущество во внезапности. Риск? Несомненно. Но если они сами наткнутся на него, то тихо не разойтись однозначно.

Шум, издаваемый австрийцами, усилился. Значит, они приблизились. Шестаков отстегнул тесак от «манлихера», извлек свой нож. Шаги? Впрочем, до позиций русских достаточно далеко, чтобы без особой опаски двигаться короткими перебежками. Да тут, даже если разговаривать в голос, и то до противника не долетит ни звука.

Аккуратно выглянул из воронки. Ага. Так и есть. Вот она – сладкая парочка. Пока пробирались через проход в заграждении, им пришлось ползти, потому что тот проделан понизу. А вот как только миновали колючку, тут же поднялись и, чуть согнувшись в поясе, осилили остаток пути в относительном комфорте. Почему остаток пути? Да потому, что они шагах в десяти от него и в двадцати от заграждения опустились на колени и...

Ну точно, копают. А ради какой такой надобности солдат будет копошиться на нейтральной полосе? Правильно. Это саперы, и заняты они как раз тем, что закладывают фугас. Работа с лопатой – без шума никак не обойтись. К тому же они спешат, а потому работают оба, за окружающей обстановкой никто не наблюдает, лучшего момента не будет.

Шестаков осторожно выбрался из воронки и, пригнувшись, двинулся к саперам. Даже если его сейчас заметят из окопов, то наверняка примут за своего. А вот дальше... Что будет дальше, целиком и полностью зависит от него.

До противника не больше пары метров. Подкрадываться уже опасно, он не Чингачгук и не охотник, чтобы вытворять подобное. Одно то, что его до сих пор не заметили, уже неслыханная удача. Вон как роются, что твои кроты. Короткий рывок. Руки с клинками пошли вниз. Нож в правой руке вошел четко под лопатку, австриец выгнулся дугой и молча начал заваливаться на бок.

А вот левая рука, как всегда, подвела. Ну никак он не научится ею пользоваться, в любой из ипостасей. Удар вышел сильным, но смазанным. Если бы объект оставался в прежнем положении, то скорее всего все получилось бы. Но тот что-то услышал или почувствовал. Сам черт не разберет отчего, но в последний момент австриец дернулся, удар пришелся в плечо.

Крик, полный боли и отчаяния, огласил ночную тишину. Нож остался в теле убитого или смертельно раненного солдата. Шестаков перебросил тесак из левой руки в правую и прыгнул на быстро отползающего, семеня ногами, австрийца. Очередной отчаянный крик замер, едва клинок вошел в грудь сапера.

Со стороны австрийцев послышались тревожные крики. Кто-то кого-то звал. Шестаков уже бежал к своей воронке, предполагая, что сейчас начнется канонада. Даже не станут ждать, пока подтянутся бойцы со второй линии траншей, голосов-то несколько.

Винтовочный выстрел, вспышка как-то совсем уж близко и прилетевший горячий привет, ожегший бок. Все это произошло одновременно. В следующее мгновение Шестаков кубарем влетел в воронку. Только теперь сознание подсказало, что из окопа выкрикали три имени. Значит, их было трое, и стрелял в него тот самый третий, до которого рукой подать.

Попробовал подняться. Весело, йожики курносые. Интересно, насколько серьезно его задело? Впрочем, сейчас об этом думать некогда. Кто его знает, вдруг мужичок окажется беспримерной отваги или Шестаков кого из его близких приголубил? Нужно бы сначала с ним разобраться, либо отогнать, либо пришибить к нехорошей маме.

Больно-то как. Л-ладно. Отключиться. Знакомое чувство инородности тела и полное отсутствие боли. Зато и двигаешься как пьяный. Впрочем, главное, что боль никак не отвлекает, да и бегать сейчас не нужно. Отбросил тесак, в котором уже не было никакой необходимости, и снял с пояса кобуру с «маузером». Понадобилось добрых секунд шесть, пока он пристегнул кобуру-приклад и у него в руках оказался мини-карабин. Долго. Руки, как чужие.

Выбираться из воронки не пришлось. Просто поднялся во весь рост, и хватает. Даже чуть многовато, потому как выглянул по грудь. Приклад упирается в плечо, фосфорные точки прицела видны отчетливо (пришлось переделать штатный прицел «маузеров», уж больно тот неудобен). А где цель? Со стороны траншей слышна разногласица. Не иначе весь личный состав повысыпал. А вдруг это ночная атака? Но пока только и того, что шумят.

Да где же ты? Ага. Вот ты где. Не-эт, не зря бойцы спецподразделений размалевывают себе лица. До австрияка шагов двадцать, а потому его лицо выделяется четким белым пятном. Хорошо, хоть за свое беспокоиться не приходится. Расстояние так себе, плевое, и никто не мешает. Поэтому Шестаков тщательно прицелился и нажал на спуск.

Как только треснул выстрел, прапорщик тут же упал на дно воронки. Попал, не попал, не важно. Главное – укрыться и не изображать из себя грудную мишень. Плевать, что темно, когда в одно место палит сотня винтовок, какая-нибудь дура обязательно попадет в цель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.